

Николай Григорьевич Смирнов ДЖЕК ВОСЬМЕРКИН АМЕРИКАНЕЦ

Часть первая Джек Восьмеркин

Глава первая

Редактор изменяет своему обыкновению

— Простите, товарищ, трактор «ойль-пуль» — все это прекрасно. Но ведь трактор работает вовсе не на каменном угле. А затем, у меня нет времени.

Этими словами закончил редактор свой разговор с развязным поэтом, который пытался продать в газету стихотворение о тракторе «ойль-пуль». Поэт вскочил с кресла и исчез в дверях. Редактор посмотрел ему вслед без малейших угрызений совести: он считал, что каждый деловой человек должен говорить кратко.

Теперь наконец он мог заняться собственным делом. Для этого он прежде всего придвинул поближе тарелку остывших щей и начал есть. Ел он без всякого аппетита, часто даже пронося щи мимо рта: ложка была в его левой руке, а правой он

правил лежавшую перед ним статью. В это время дверь открылась, и в кабинет опять кто-то вошел.

— Короче! — сказал редактор грозно, продолжая читать и есть.

Молчание. Только перо скрипнуло по бумаге.

— Коротко трудно, — наконец сказал вошедший. — Коротко — совершенно невозможно.

— А все-таки. В двух словах.

— В двух? Хорошо. Хочу есть.

Редактор оторвал глаза от рукописи.

Перед ним стоял опрятный паренек в серой бархатной куртке с желтым бараньим воротником, остриженный по-заграничному под машинку. На голове — тяжелая кепка с загнутыми на затылок

наушниками. На ногах — коричневые башмаки с толстыми подошвами. Паренек держал в руках небольшой брезентовый мешок. В общем вид его был франтоватый, а лицо веселое. Вдобавок он улыбался, и золотые зубы дружным рядом сияли в его верхней челюсти. Никак нельзя было подумать, что парень нуждается. Редактору стало совершенно ясно, что следует как можно скорее выпроводить его из кабинета.

— Вы, вероятно, умеете читать, товарищ? — сказал он наставительно. — Здесь не столовка, а редакция сельскохозяйственной газеты...

— Я знаю. Но все-таки хочу есть.

— Фамилия? — отрывисто спросил редактор, прекрасно понимая, что вопрос этот грозит осложнениями. Но что делать? Паренек чем-то сумел подкупить его. Может быть, своей улыбкой, которую он все время пускал в ход. Он и теперь, прежде чем ответить, широко улыбнулся.

— Меня зовут Джек Восьмеркин.

— Откуда?

— Из Петербурга. Я там в больнице лежал семь недель.

— Из Ленинграда, — поправил редактор.

Золотые зубы Восьмеркина сверкнули, как будто во рту вспыхнул огонь.

— Нет, из Петербурга.

— Такого города нет.

— Есть. Это в штате Вирджиния. На линии Ричмонд — Чарльстон.

— Ага — сказал редактор и позвонил.

Теперь он уже знал, что делать дальше, и принялся читать статью. Явилась курьерша.

— Дайте товарищу обед, — произнес редактор, — и позовите Пичулина.

Пичулин, спец по англо-саксонским странам, в круглых очках и длинной кожаной жилетке, явился как из-под земли. Джек Восьмеркин в это время только что принялся за щи.

— Ну-с, — сказал редактор, когда Пичулин вопросительно стал у его кресла, — так вы, товарищ, из Америки, из штата Вирджиния? Это уже лучше. Нельзя ли, Пичулин, его использовать? Ты когда приехал-то? — спросил он Восьмеркина, дружески переходя на «ты».

— Две недели назад.

— Через Владивосток?

— Нет, через Мурманск.

Пичулин тихо подошел к Джеку. Вынул блокнот, что-то сообразил.

— Можете ли вы к послезавтра написать мне статью строк на двести: «Безработица среди батраков в Соединенных штатах»?

Джек густо покраснел и с каким-то бульканьем проглотил щи.

— Я плохо пишу по-русски. Прочитать статью

умею... Но писать не возьмусь.

— Но вы русский?

— Да, конечно. Но я долго пробыл в Америке.

— Это уже хуже, — сказал редактор и задумался.

Теперь он понял, почему так старательно выговаривает некоторые слова Джек.

— Писать ты не умеешь, — сказал он немного погодя. — Русский язык знаешь плохо. Такие люди нам не нужны.

Свет электрической лампочки отразился в золотых зубах Джека.

— Такие люди вам не нужны? — переспросил он тихо. — А я думал, что нужны. Писать статей я действительно не умею. Но я могу делать кое-что другое.

— Что же именно?

— Я могу восемь часов подряд пахать на тракторе, а если он остановится, я починю его. Знаю куроводство и хорошо отбираю яйца в инкубатор. Могу подоить десять коров, а если их сорок, то налажу дойку электричеством. Два года я ухаживал за табаком в Вирджинии и ладонями могу вертеть сигары, по тысяче штук в день, конечно если начинка подготовлена. Я говорю о сигарах «вирджиния», по пять центов штука. Потом мне приходилось выращивать клубнику величиной в кулак...

— Довольно, довольно! — закричал редактор.

— Нет, я правду говорю. Ведь я не бродяга, а настоящий уборочный рабочий. Шесть лет я таскался по фермам, только вот теперь приехал сюда кочегаром. Мы вам хлопок привезли. Я удрал с корабля потихоньку и сел в поезд. Все деньги истратил на билет, зайцем не поехал. И вот теперь голодаю. Здесь я уже десять дней, и все мне

говорят, что никому не нужно мое уменье. А по-моему нужно.

И он опять сверкнул золотыми зубами. Редактор спросил:

— А зубы почему золотые?

— Упал с «титана» в Дакоте. Ведь вы знаете, эти «титаны» высотой почти с паровоз. Стукнулся зубами о колесо. Четырех как не бывало. Вставил за восемьдесят долларов. Они литые, чистого золота. Хотел уже выпилить их и проесть. Но прежде сюда пришел...

— Занятная штука, — сказал редактор задумчиво. — Что же нам с тобой делать, Восьмеркин? Ты зачем в СССР-то приехал?

— По делам, — ответил Джек и густо покраснел.

— Так. А где живешь?

— Нигде не живу. Ночевал в ночлежке. Да плохо там. Смеялись над моей курткой.

— А вещи у вас есть? — спросил Пичулин совсем не деловым тоном.

— Ничего нет. Я сюда без вещей приехал. Нельзя было с парохода вынести. Вот только мешок...

— А что в мешке?

— Пшеница. Отборные зерна. «Манитоба», «маркиза», «дакота». Я их четыре года на фермах собирал. Теперь от голода съел тысячу двести штук.

Самых мелких, конечно.

— Поешь лучше каши, Восьмеркин, — сказал редактор мягко, пододвигая тарелку. — Твое дело надо обдумать. С удовольствием бы покалякал с тобой, да вот некогда...

Пичулин с удивлением посмотрел на редактора.

Этот человек, сухой и точный, никогда раньше не говорил таким душевным тоном. Что-то с ним сделалось. Он глядел на Восьмеркина и улыбался.

— Да, — повторил редактор задумчиво, — с удовольствием бы с тобой покалякал...

Он вынул записную книжку и там что-то зачеркнул.

— Хочешь, так сделаем: приходи сегодня ко мне на квартиру ровно четверть двенадцатого. Расскажешь свою историю. Может быть, что и придумаем. Согласен?

— Угу.

— И ночевать у меня будешь.

— Спасибо.

— Вот тебе мой адрес. Найдешь?

Джек усмехнулся.

— Ну, пока...

* * *

Ночью Джек Восьмеркин рассказал редактору свою историю. Примус безостановочно шумел на окне. Чаю выпили много. Разговор продолжался три или четыре часа.

Рассказ Джека был длинен и бессвязен. Чтобы понять его как следует, редактору пришлось задать множество вопросов. К трем часам утра картина приключений Джека выяснилась во всех подробностях.

Вот как было дело.

Мальчик с коровой

Весной 1918 года в Петрограде начался голод. Продовольственные склады совершенно опустели, а подвоза продуктов не было. Перед булочными вытянулись тысячные очереди. Целыми часами люди простаивали для того, чтобы получить кубик черного хлеба величиной в пачку спичек. На базарах торговали главным образом несъедобным: посудой, треуголками, тряпьем, мебелью. В кафе у Адмиралтейства за бешеные деньги подавались тонкие ржаные лепешки, жаренные на льняном масле. Все столовые и рестораны закрылись. Исчезло даже молоко, которого всегда было много в это время года.

В городе началась паника. Уже поздно было делать запасы. Оставалось только надеяться, что

голод не может продолжаться вечно. Говорили, что с новым урожаем появятся продукты. Война кончилась. Крестьяне возвращаются в деревни. Надо только подождать до осени.

И вот, чтобы полегче прошло это голодное лето, большая группа петроградских интеллигентов решила отправить своих детей за Волгу, туда, где много белого хлеба и молока и откуда шли письма, что голода там нет и в помине. С огромным трудом получили специальный санитарный поезд. Поезд был очень длинный и состоял из белых теплушек и вагонов. В вагонах разместились девочки, в теплушках — мальчики, всего около пятисот человек. Вместе с ними ехали учителя, воспитатели, гимназические сторожа. После долгого, полного приключений пути белый поезд высадил детей за Волгой, в обетованной стране. Петроградским детям пришлось провести здесь гораздо больше одного лета.

Восстание чехо-словаков вызвало военные действия в полосе железной дороги. Затем поднялся Колчак. Линия железной дороги оборвалась сразу во многих местах. Началась настоящая война. Между родителями и детьми протянулась линия фронта, пересечь которую не было никакой возможности.

На детей уже никто не обращал внимания, кроме их руководителей, которые были бессильны что-либо сделать. Огромная колония принуждена

была разбиться на группы. Дети с руководителями разбрелись по деревням, станицам, поселкам. Не было средств к жизни, теплой одежды, обуви. Даже надежд на будущее не было. Дети болели, голодали, приходили в отчаяние. Все это Джек знал только по рассказам. Сам он не был в колонии. Он познакомился с петроградскими ребятами случайно, осенью 1918 года.

Вагон третьего класса, наполненный детьми, стоял на одной из станций недалеко от Волги. Красные наступали, и у ребят появилась надежда, что советские войска займут станцию, прежде чем белые успеют увезти вагон. А это давало возможность в ближайшие же дни вернуться в Петроград, к родителям.

Но обстоятельства сложились иначе. Внезапно к станции подкакала группа всадников. Казаки с пиками рассеялись по путям, охотясь за пустыми вагонами. Высокий офицер, осмотрев вагон, в котором находились дети, предложил немедленно очистить его. Вагон был нужен для штаба корпуса. Сопровождавший детей воспитатель, вспыльчивый человек, закричал, что дети не уйдут из вагона. Офицер арестовал воспитателя, и его увели куда-то. А детям было предложено выходить из вагона, и как можно скорей.

Казаки выбросили из окон подушки, корзины, книги, и на полотне образовался целый ворох

самых разнообразных вещей. Дети в панике столпились тут же, не зная, что им делать.

Девочки заливались слезами, мальчики пытались успокоить их. Они тихо шептали, что скоро придут красные и все будет хорошо. Вдруг где-то вдали бухнул выстрел.

За первым выстрелом последовал другой, третий, четвертый. Высоко в небе развернулись красивые облачка дыма, и град пуль ударил по железной крыше станции. Красные действительно пришли. Но впереди себя они пустили артиллерию.

Четырнадцатилетний Валерьян, у которого был бинокль и который считался самым умным в вагоне, закричал, что надо спасаться, бежать опроретью, но, конечно, всем в одну сторону. Он схватил свою подушку и первый бросился через широкое поле, которое тянулось тут же за станцией. Его примеру последовали все остальные. Длинная ниточка детей протянулась по полю. Сзади самые маленькие, впереди Валерьян, закрывший подушкой голову от шрапнели. По временам он останавливался и кричал:

— Скорей, черти, скорей!

Маленькие, наиболее слабые дети начали уставать. Они падали и кричали, что не могут двигаться дальше. На минуту все остановились и стали совещаться. Кто-то сказал, что стрельба затихает. Но это было затишье перед бурей. Со

стороны белых подошел броневой поезд. Пушки загрохотали совсем близко. Дети заплакали, завизжали.

Старшие подхватили младших под руки и снова побежали вперед. Поле уже кончалось. В стороне желтели кусты, за ними был овраг. Дети спустились в овраг. Сюда выстрелы доносились слабее. Некоторое время шли по дну оврага. Потом остановились, сосчитали друг друга. Налицо оказались все сорок человек. Валерьян, который принял на себя обязанности командира, сказал, что можно посидеть: шрапнель сюда не залетит. Дети отдохнули немного, съели захваченную с собой провизию, напились воды из ручья, а затем пошли снова. Выстрелы все еще гремели вдалеке, и всем хотелось быть подальше от поля сражения.

В глубине оврага октябрьский день рано догорел и сменился холодным вечером. Дети сложили рядом вещи, — захваченные в момент бегства. Нашлось несколько подушек. Легли все рядком, чтобы согревать друг друга. Хотя у Валерьяна были особой спички, огня из осторожности решили не разводить. Боялись, что

по костру начнется стрельба из орудий.

Ночью Валерьян и два других мальчика вылезли из оврага. Небо было розовое с одного края, но не там, где находилась станция. По этому зареву мальчики догадались, что горит какая-то деревня. Они тихо спустились в овраг и уговорились по очереди дежурить с камнями в руках. Но сон оказался сильнее их. Первый же дежурный заснул, а тот, кто должен был его сменить, не проснулся. Впрочем, ночь прошла без приключений.

Утром старшие устроили совещание, что делать дальше, куда идти. Совещались долго. Пока старшие спорили, младшие плакали от страха и голода. Провизии не осталось ни крошки.

Наконец было решено подождать в овраге до полудня. А затем, если перестрелка не возобновится, идти на станцию и отыскать там руководителя. Но в это время со стороны станции опять донеслись выстрелы. В отчаянии дети уселись в кружок и принялись плакать.

Вдруг в кустах раздался какой-то треск, и перед плачущими детьми появился деревенский мальчишка, босой и без шапки. Он стоял на четвереньках и внимательно смотрел на детей.

Плач сейчас же прекратился. Ребята с интересом принялись разглядывать мальчишку. Тот продолжал стоять на четвереньках и при этом

сопел.

— Ты здешний? — наконец спросил Валерьян негромко.

— Здешний, — ответил мальчуган и вскочил на ноги. — Из деревни Починки.

— Можешь ты отвести нас к себе в деревню и покормить?

— А сколько вас есть?

— Сорок человек.

— Не, не могу.

— Почему не можешь?

— Нет наших Починок. Сгорели они ночью. Белые из пушек сожгли. А мужиков всех перебили, и отец мой попался. А мать и сестра живьем в избе сгорели. Я один спасся. А вы, ребята, откуда?

Дети наперебой начали рассказывать, кто они такие. Когда картина достаточно выяснилась, мальчишка, немного подумав, сказал:

— Примите меня, ребята, к себе.

— Куда же мы тебя примем? — спросил Валерьян. — У нас у самих ничего нет.

— Все равно, примите, ребята. Без меня ведь вы пропадете, как один человек. Я тут все места знаю и вам пригожусь. Хотите, сейчас молочка принесу?

— Откуда у тебя молоко?

— А у меня тут с собой корова, Пеструшка. Мне мать спасти ее велела. Я ее погнал, а тут и

наша изба занялась. Мать начала сундуки выносить, ну, и сгорела вместе с Катькой. Одна Пеструшка осталась теперича у меня. Я всю ночь не хуже вас плакал, а теперь перестал.

Молоко, корова — это в представлении ребят означали почти спасенье от голода. Мальчишку окружили со всех сторон Валерьян спросил деловито:

— Может быть, корову можно убить ножом, а потом зажарить? Спички и ножик у меня есть.

Мальчишка возмущенно махнул рукой.

— Сказал тоже... Ведь она теперь у меня одна осталась. Молоко пейте. А жарить не дам.

— А ты умеешь доить?

— Ну да подою, если будет во что. У меня с собой посуды нет. А корова молочная. Я ее сегодня утром от голода прямо ртом сосал.

Посуда у детей нашлась — маленькое ведерко, из которого они пили воду. Валерьян, четверо ребят и мальчишка отправились через кусты и в глубине оврага действительно нашли пеструю корову, которая была привязана к кустам. Мальчишка подоил ее в ведро, и молоко сейчас же было распределено по два глотка на человека. Ведро было небольшое, и четыре раза пришлось возвращаться к корове и доить ее. Когда все молоко было выпито, ребята открыли совещание с участием нового товарища. Обсуждали все тот же

вопрос: что делать дальше?

На этот раз глаза всех были устремлены на мальчишку. Спасения ждали от него.

— Вот что, ребята, — сказал он, напустивши на себя важность: — поведу я вас сейчас в деревню. Может быть, и накормят вас мужики. А там и подводы в город дадут.

— Да ведь сгорела ваша деревня, говоришь? — перебил его Валерьян.

— Подожди. Я в нашу не поведу, в другую поведу, в Чижи. Чижи, может, и не сгорели. Село большее. Только вы меня, ребята, примите к себе.

— Ладно, принимаем! — закричал Валерьян.

— Принимаем, принимаем! — подхватили все.

— Тогда идемте, — сказал мальчишка.

— Встать! — скомандовал Валерьян. — Готовься в дорогу. — И, обращаясь к мальчишке, спросил:

— А как тебя зовут?

— Яшкой зовут.

— Хорошо, Яшка. Веди нас в Чижи.

Дети вылезли из оврага и двинулись следом за Яшкой, который уверенно шагал через поле. Коровы решено было с собой не брать, а притти за ней вечером, когда выяснится, что в Чижах спокойно.

Яшка шел рядом с Валерьяном и покрикивал на отстающих. Все прониклись к нему уважением. В простоте сердечной дети считали уже, что положение их поправилось. До Чижей близко, Яшка приведет их туда, им дадут молока, покормят. В крестьянских избах можно будет переждать денька два. Потом придут красные и помогут добраться до Петрограда.

Дети шли бодро, даже весело. Спасение было близко, и путь к нему под предводительством Яшки казался ясным и простым.

Джек Восьмеркин и был этим самым белоголовым, мальчуганом, который вызвался спасти от голода сорок ребят.

* * *

Веселое путешествие детей продолжалось недолго. Яшка вдруг стал оборачиваться назад и приглядываться к чему-то. Потом крикнул:

— Ложись, ребята! — И ползком начал пробираться к придорожным кустам.

Остальные тоже ползком последовали за ним, хотя и не понимали, в чем дело. В кустах Валерьян спросил:

— Чего ты испугался?

— Как чего? — зашептал Яшка. — Посмотри в стекла, если глазами не видишь. Ищут меня, хотят

смерти предать.

— Кто тебя ищет?

— Известно кто, казаки. Вон они там по дороге едут. Двое с ружьями и пиками. Меня они ищут. Я ведь один из всей деревни уцелел.

Валерьян приложил бинокль к глазам и увидел, что вдали по дороге действительно ехали два казака, приглядываясь по сторонам.

— Вы уж меня спасите, ребята, — зашептал Яшка жалобно, — а я вам потом помогу.

— Как же мы тебя можем спасти? — спросил Валерьян.

— Дайте какое-нибудь пальтишко прикрыться. Не узнают они меня в городском, за вас примут.

Ребята сейчас же сообразили, что городская одежда действительно может защитить деревенского парнишку. Валерьян снял с себя пальто, нашлась и кепка. Одна девочка отдала Яшке запасные сандалии. Все видели в нем единственного спасителя, и важно было его отстоять.

Яшка, надевши чужую одежду, сразу почувствовал себя бодрее. Стал на ноги и долго следил за казаками.

— К станции проехали, — сказал он наконец. — Идем дальше, ребята. Может, и не за мной они.

Дети снова вытянулись по дороге. Яшка и Валерьян шли теперь сзади. Они все время оглядывались, а Валерьян почти не отрывал бинокля от глаз. Вдруг он закричал:

— Казаки! К нам скачут казаки!..

На этот раз всадники действительно направлялись к группе детей. Бежать и прятаться было бесполезно. Их заметили.

Однако Валерьян скомандовал:

— Бегом!

И все побежали.

— Стой, братцы! — закричал Яшка. — От коней все равно не уйдем. Может, они нас не тронут.

Дети остановились. Молодой казак с пикой, не доехав до них шага, осадил лошадь.

— Со станции? — закричал он на все поле.

— Со станции, — ответил Валерьян, выходя вперед. — Что вам угодно?

— Мы за вами посланы. Поворачивайте назад. Велено вас всех обратно доставить.

— А там нет пальбы? — спросил кто-то.

— Нет пальбы. Отошел красный. Ну, двигайтесь.

Все надежды детей мигом пропали. Теперь нечего было мечтать о скором возвращении в Петроград. Правда, за ними послали, значит, их будут кормить. Может быть, отыщется

руководитель. Но ведь радости от этого мало. Самое лучшее, на что они могли рассчитывать теперь, — это очутиться в прежнем положении.

Но казаки не стали церемониться с детьми, спрашивать, хотят или не хотят они идти на станцию. Чтобы сдвинуть ребят с места, они въехали в самую гущу толпы, и детям волей-неволей пришлось тронуться. Впрочем, казаки не слишком торопили их в пути, только изредка покрикивали на отстающих. Они видели, что дети устали и голодны.

Часа через два ходьбы перед ребятами показалась знакомая станция. Их вагона уже не было на путях, не было и имущества.

Казаки привели детей к коменданту, низенькому бородатому офицеру.

Комендант строго посмотрел на ребят и спросил:

— Все вы здесь?

— Все, — ответил Валерьян.

А Яшка в это время присел, так как испугался, что комендант узнает его и казнит.

— Я о вас запрашивал штаб, — сказал комендант. — Вас велено в тыл направить. Идите за мной.

Ребята пошли за комендантом. Он подвел их к товарному вагону и скомандовал:

— Забирайтесь, живо!

— Мы сегодня не обедали, — заявил Валерьян.

— Молчать!

Ребята влезли в вагон все, за исключением Яшки, который все время смотрел в сторону, как бы желая удрать. Комендант прикрикнул на него, и Яшка тоже оказался в вагоне.

Тут комендант закрыл дверь. В вагоне сделалось совершенно темно.

Ребята, толкая друг друга, кое-как разместились на полу и на верхних полках. Немного погодя дверь открылась. Двое солдат принесли хлеб, ведро воды и чугунок каши. Все бросились на пищу с жадностью. Съели весь хлеб, до последней крошки, и всю кашу, до последней крупинки. Даже воды не осталось в ведре. Солдаты забрали пустую посуду и снова закрыли дверь.

Когда шаги солдат замолкли вдали, Яшка попытался открыть дверь. Но это ему не удалось: дверь была заперта снаружи на задвижку.

Через двадцать или тридцать минут вагон сильно толкнуло; ребята догадались, что их прицепили к поезду. А еще немного погодя поезд без звонков и гудков отошел от станции.

В этот момент в вагоне раздался громкий плач. Это Яшка заплакал, в первый раз за все время знакомства с ребятами.

— Чего ты? — спросил Валерьян. — Ведь ты

сам навязался в нашу компанию. Мы тебя не тянули.

— Знаю, — прохрипел Яшка. — Я не по себе, я по Пеструшке убиваюсь. Пропадет она в овраге с голоду. Ведь я ее крепко-накрепко к кустам привязал...

Редактор дает историческую справку

Когда Джек Восьмеркин довел свой рассказ до этого момента, редактор прервал его.

— Стой, Восьмеркин, отдохни, — сказал он шутливо. — Дальше я сам тебе расскажу.

Джек посмотрел на редактора удивленно: уж не смеется ли он над ним? Но тот подошел к книжному шкафу и вынул оттуда большую связку старых газет. Разложил газеты на столе и начал просматривать их. Джек заметил, что многие статьи были отмечены красным карандашом.

— Вот, — наконец сказал редактор и начал читать:

АМЕРИКА ЗАЩИЩАЕТ ДЕТЕЙ

Мною за подписью руководителя поезда Ленина т. Рузер и представителя Наркомпроса в этом поезде т. Венгрова получена

любопытная телеграмма, которая не только должна быть опубликована в советской прессе, но и по возможности доведена до сведения всех порядочных людей мира.

Вот она:

«Выясняется судьба бывшей петроградской колонии детей, вывезенной из Петрограда Союзом городов в 1918 г. в Уйскую станицу. Требуется немедленное вмешательство центральных властей.

Колония была передана колчаковским министерством внутренних дел 8 января 1919 г. в полное, бесконтрольное ведение американского Красного креста в лице доктора Скандера, гражданина Уэл Чеккмиса и московского американца Свина, с правом перемещать детей куда вздумается американцам, увольнять русский штат и вмешиваться в воспитательную часть по их благоусмотрению.

По показаниям священника села Ягуровки и местных жителей дети были свезены туда весной 1919 г.

Дети жили в отвратительных условиях, как материальных, так и моральных. Они просили милостыню

и напрашивались на работу у соседней для пропитания. Американцы занимались своими торговыми делами, причем часть детей помогала американцам в качестве приказчиков в их лавках.

В конце мая, перед приходом красных, американцы увезли детей неизвестно куда. Эвакуация происходила ночью, с приказом собраться в два часа, столь наспех, что склады колонии в большей своей части были брошены на произвол судьбы.

По слухам, дети увезены на какой-то остров Русский, близ Японии, причем на станции Курган дети от пятнадцати лет были мобилизованы.

На запрос по радио представителя Совдепа о судьбе детей и возвращении их родителям получена 15 октября радиотелеграмма генерал-лейтенанта Захарова, что дети будут отданы только после уничтожения большевиков и установления единой России.

Материалы и документы высылаем с представителем Наркомвнудела, членом ВЦИК Островской».

Заметьте, что дети, вывезенные

Союзом городов, сплошь непролетарские. Это дети интеллигенции и даже петроградской полубуржуазии.

Наркомпрос, конечно, заботился о судьбе этих детей. Сами родители неоднократно просили нас об установлении разного рода связи с детьми. Но у меня составилось впечатление, что эти родители из промежуточного класса склонны чуть ли не больше доверяться если не Колчаку, то американскому Красному кресту, чем нам.

Жестокое поведение американцев должно послужить уроком не только родителям несчастных пленных детей, но и всем колеблющимся в России. Дети пролетарских колоний, вывезенные в Уфимскую губернию, были отвоеваны Красной армией и возвращены в Москву и Петроград.

Я знаю, что родители отвезенных куда-то в Японию детей действительно тосковали по ним и страстно стремились к ним. Если бы не вмешательство американцев, эти дети были бы уже в объятиях своих матерей. Теперь малюток погнали неведомо зачем, неведомо куда при

отвратительных условиях.

Совет защиты детей имеет телеграфное сообщение, что при знаменитой эвакуации, о которой говорится в вышеприведенной телеграмме, одна девочка утонула, другие тяжело заболели. Еще возмутительнее то, что детей от пятнадцати лет насильственно забрали в колчаковскую армию.

Все это до того кошмарно, все до того нелепо, что только настоящим взрывом бешенства против нас и наших побед можно объяснить такой шаг американцев. Культурное же объяснение этого заключается в том, что американцы спасают детей от развращения их большевиками. Пусть старшие погибнут в рядах колчаковской армии, пусть младшие потонут и умрут с голода, пусть они будут отданы в рабство, но только не оказались бы они социалистами.

*Народный комиссар по
просвещению Луначарский*

— Угу, — сказал Джек Восьмеркин, когда редактор дочитал статью до конца. — К весне мы как раз оказались в селе Ягуровке. А потом нас повезли дальше.

Он взял статью и еще раз прочел ее, шевеля губами. Потом, как бы вспомнив что-то, тихо сказал:

— Теперь я понимаю, почему нас не оставили в Сибири. Все время не понимал. Ведь кроме петроградских ребят с нами были и сибирские. Всего собралось почти восемьсот человек. Когда Колчак был разбит, мы съехались все из разных мест в город Тургоянск. Здесь нас погрузили в поезд и повезли во Владивосток. Всем распоряжались американцы. Они одели нас в американские шинели, которые были до того длинны, что их приходилось подрезать снизу ножницами. Старших задержали для военной службы, и Валерьян попал в их число. Но осталось много моих сверстников, тринадцатилетних. Нам пришлось голодать и холодать зимой, и мы были рады, что нас везут куда-то. Мы часто разговаривали по ночам в вагоне о нашей судьбе. Было много разных предположений, но никто не думал, что нас действительно повезут в Америку. Нужды в этом никакой не было.

— Однако так и случилось? — спросил редактор.

— Так и случилось.

— Ладно. Тогда говори все дальше по порядку.

И Джек Восьмеркин начал рассказывать

дальше.

В Сан-Франциско

Когда ребятам стало известно, что всю колонию решено вывезти в Америку, начались волнения. Всем гораздо больше хотелось ехать в противоположном направлении — домой. Но американский Красный крест был другого мнения на этот счет. Осенью 1919 года всю колонию погрузили на огромный японский пароход «Иомей Мару». Пароход вполне благополучно пересек Тихий океан, и через двадцать дней русские дети высадились на берег в Сан-Франциско.

Здесь обнаружилось, что сами американцы нетвердо знают, что дальше делать с ребятами. Даже неизвестно было, кто они для Америки: пленные, заложники, друзья, враги?

Их высадили на берег и разместили во временном военном поселке за городом. Когда-то здесь были солдатские казармы, построенные на скорую руку. Теперь длинные бараки, крытые толем, пустовали. Детей водворили в эти бараки; каждому была дана низкая кровать на сетке и табуретка. Ребят поднимали рано, они мылись до пояса, а затем под руководством американских инструкторов делали гимнастику. Их никуда не выпускали за ограду, окружавшую поселок и за

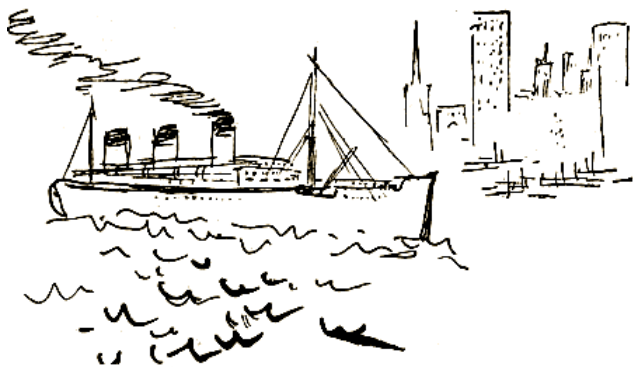
малейшее послушание строго наказывали.

Всем было ясно, что такой порядок не может продолжаться без конца. Сами американцы с каждым днем все больше убеждались, что они напрасно поторопились с перевозкой детей через океан. На содержание колонии требовались большие средства. А кроме того оставшиеся руководители и старшие ребята каждый день заявляли протесты против заключения в лагере и требовали отправки на родину.

Яшка не принадлежал к числу протестантов. За год жизни в среде городских детей он успел сильно развиться, а долгое путешествие в поезде и на пароходе вызвало в нем любопытство к стране, в которую он чудом попал. Ничто не тянуло его назад в Россию. Он считал, что все родные его погибли, деревня сгорела и даже корова Пеструшка давно издохла в овраге. Однако лагерная дисциплина его тяготила. Ему казалось неестественным, что их, ребят, без всякой цели держат в поселке за оградой. Хотелось выйти на волю, погулять по Америке.

Америку Яшка представлял себе большой деревней и думал, что здесь, как и в России, говорят по-русски. Обладая от природы живостью и предприимчивостью, он уже строил фантастические планы побега. Но он не находил себе товарищей. Оказавшись в Сан-Франциско, русские мальчишки жили мыслью поскорее вернуться в Россию.

Вероятно, их в ужас приводили воспоминания о том, что когда-то в Петрограде они мечтали попасть в увлекательную стану Америку, наполненную автомобилями, индейцами и небоскребами. Яшка никогда раньше не мечтал об Америке. Но теперь, живя в лагере, он начал серьезно подумывать о том, что хорошо бы было как-нибудь после обеда перемахнуть через забор и посмотреть, как тут растет рожь и много ли молока дают коровы. Случай помог ему осуществить это желание.

Сан-Франциско — большой город, и там случается каждый день множество происшествий. Но приезд восьмисот русских ребят был из ряда вон выходящим случаем. Поэтому в газетах стали появляться статьи о жизни и истории детской

русской колонии. А вслед за этим к ограде, окружавшей поселок, началось паломничество любопытных американцев.

Среди этих зевак было несколько ребят-подростков, которые целыми днями простаивали у забора в надежде разглядеть, что поделявают русские дети. По временам их любопытные лица появлялись даже над забором. Сторожа колонии, американцы, гнали их. Но ребята мало боялись этого. В ответ они выкрикивали короткие словечки и громко хохотали. Как-то даже эти ребята соорудили из палки пращу и начали бросать через забор грецкие орехи. Этим, конечно, американцы хотели подчеркнуть, что они не враги русским, а друзья.

Первый же орех, упавший внутри ограды, поверг русских ребят в волнение: на скорлупе его было отгиснуто какое-то клеймо. Что значило это клеймо, никто решить не мог, но, несомненно, оно о чем-то говорило. Ребята ломали себе голову над этой задачей до тех пор, пока в лагерь не упал второй орех. На нем оказалась та же метка. Каждый из следующих орехов был также с таинственной печатью. А затем выяснилось, что буквы на скорлупе — это только марка фирмы, торгующей орехами.

Но эти орехи с клеймами подали мысль затеять переписку через забор. Общими усилиями

была составлена записка на английском языке:

«Кто вы и что вам угодно?»

Записка была привязана к камню и переброшена через забор. Обрато прилетел большой апельсин, на котором было написано химическим карандашом: «Мы — ваши друзья, приходите погулять с нами», и нарисовано колесо с крыльями.

Вечером того же дня, после ужина, Александр Михайлов, шальной парень и забияка, обошел всех взрослых ребят в лагере и тихо опросил их, не желают ли они осмотреть Сан-Франциско. При этом он требовал клятвы, что желающие бежать, будут подчиняться всем его распоряжениям.

Сначала нашлось много желающих. Но потом, когда выяснилось, что бежать придется на следующий день, а американских денег ни у кого нет, почти все отказались. Только Яшка и еще два мальчика объявили, что готовы на все, так как жизнь в лагере им опротивела. Александр Михайлов устроил небольшое совещание. Решено было тайно от всех остальных перебросить через забор записку. В записке сообщить о дне и часе побега и просить американцев оказать помощь. Затем погулять с ними недели две по Сан-Франциско и вернуться в лагерь после того, как

город будет изучен вдоль и поперек.

Из четырех заговорщиков ни один не умел писать по-английски. Поэтому записка к американцам была составлена аллегорически. Именно: был нарисован план поселка и летящая стрела, на которой стояли четыре фигурки. Рядом часы, показывающие девять. Записка была привязана к камню и переброшена через забор в тот момент, когда американские ребята появились на своем обычном посту.

Ответ опять прилетел на апельсине. Там было написано только одно слово «yes»,¹ значение которого было понятно. Приготовления к побегу начались.

Прежде всего Александр Михайлов со слов знающих английский язык написал на бумажке русскими буквами фразы, необходимые для прогулки по Америке: «мы хотим осмотреть Сан-Франциско», «хорошо бы поесть», «пора возвращаться в лагерь» и так далее. Под рубашки заговорщики спрятали несколько слезных писем, написанных остающимися в лагере приятелями. Эти письма надо было опустить в почтовый ящик Сан-Франциско, чтобы довести до сведения петроградских родителей о тяжелом положении, в

---

¹ Да.

котором оказались их дети. Кроме всего этого, Александр Михайлов велел сделать из консервных коробок четыре лопаточки, чтобы вырыть ими лазейки под забором. Вечером, после ужина, когда по звуку гонга все должны были расходиться по спальням, Михайлов и Яшка остались на дворе. Тут выяснилось, что нет двух остальных. Михайлов пошел за ними, но вернулся один и сообщил Яшке, что ребята струсили и уже легли в постели. После короткого совещания было решено бежать вдвоем.

Вдоль всего забора стояли яркие электрические фонари, и надо было пробраться под ними незаметно. Это удалось сделать с большим трудом, часто припадая к земле и продвигаясь вперед на четвереньках. Наконец ребята оказались у забора и принялись рыть лазейки в условленных местах. Яшка уже слышал, что за забором ходят американцы и о чем-то тихо между собой разговаривают. Он постучал в забор, и американцы начали копать со своей стороны.

Две узкие лазейки были уже вырыты насквозь, и оставалось только расширить их. Но в это время на дворе раздался длинный свисток, затем другой, третий. Два сторожа опрометью бросились к забору. Яшка, который успел нарыть больше Михайлова, нырнул в свою яму и был вытащен американцами за руки. Михайлов же пролезть не успел. Его вытащили за ноги сторожа, и Яшка

услышал только отчаянные крики своего неудачливого товарища.

В обществе шести незнакомых ребят Яшка бросился опрометью бежать от забора через темное поле.

В гостях у американцев

Только в широкой бетонированной трубе под полотном железной дороги Яшка перевел дух.

По-видимому, труба эта была временной квартирой американских ребят. Там нашлись свечка, спички и какая-то очень соленая рыба. Ребята отдали рыбу Яшке, а сами о чем-то стали разговаривать на непонятном языке.

Как впоследствии выяснилось, все шесть ребят оказались американскими беспризорниками, или, как их зовут в Америке, «котятками». Яшка очень скоро понял, что помогали они его побегу без всякой определенной цели, просто из озорства. Никакого плана, что делать дальше, у них не было. А записка с нужными фразами, как на грех, осталась в кармане у Михайлова, и Яшка ни слова не мог сказать американцам.

Однако, сидя в бетонированной трубе, над которой с громким лязгом проносились поезда, Яшка совсем не чувствовал себя несчастным. Все пока складывалось как нельзя лучше, за

исключением только неудачи с Михайловым.

После недолгого совещания американцы вместе с Яшкой прошли трубу насквозь и оказались по другую сторону полотна. Где-то далеко возвышалось множество строений, сиявших тысячами огней. По направлению к этим огням компания и двинулась. Но только краешком глаза Яшка увидел в тот раз американский город.

Дальше путь ребят лежал по каким-то пустырям и пересекал десятки железнодорожных путей и дворов, заваленных ящиками и старым железом.

Наконец они вошли в тихий лесок с прямыми дорожками. Лесок подходил вплотную к шоссе. На этом шоссе вся компания остановилась. Скоро подошел трамвай, и американцы ввалились в него шумной толпой. Но как только трамвай тронулся, они соскочили с него на ходу, за исключением одного, который остался с Яшкой и расплатился за билет. Остальные провожали вагон криками.

Яшка и его спутник ехали в трамвае долго. Огни мелькали все реже и реже за окном, и наконец все вокруг стало темно и трамвай остановился. Американец подал Яшке знак, что надо слезать, и они пошли в темноте по какому-то пригорку, среди камней и колючих кустов. Впереди что-то шумело, и Яшка догадался, что это океан.

Они долго шли по сыпучему песку, а затем

начали подниматься на гору. У большого камня американец стал на четвереньки и пополз. Яшка последовая его примеру. Они оказались в небольшой пещере, где можно было и лежать и сидеть, но никак не стоять. На полу пещеры были набросаны сухие водоросли, и Яшка понял, что здесь им придется провести ночь. Поговорить хоть немного с американцем он и не пытался: еще в пути ему удалось убедиться, что тот не понимает ни одного его слова.

Яшка улегся на водоросли, которые пахли аптекой и солью и странно гремели от малейшего движения. Приятно было отдохнуть после волнений и длинного пути. Сон пришел незаметно.

Утром, когда Яшка проснулся, в пещере оказались все шесть американцев. Они сидели вокруг него на корточках, жевали резину и о чем-то разговаривали. Яшка приподнялся. Американцы пожали ему руку и знаками предложили выкупаться.

Был октябрь, но солнце светило ярко, и вода в океане была теплая. После купанья ели апельсины и каких-то студенистых слизней, которые в большом количестве водились на берегу. Курили трубки и жевали резину.

Первое время американцы здорово хохотали над тем, что можно ругать Яшку в глаза, а он ничего не понимает. Можно было обманывать его,

называть ему вещи неправильно, а он повторяет названия и старается их запомнить. Однако Яшку смех этот не радовал, и он в первый же день пришел к заключению, что должен как можно скорее выучиться говорить по-английски. Ребята тоже пришли к этой истине, но позже. Вначале им казалось, что будет значительно интереснее, если все они с помощью Яшки выучатся говорить по-русски и введут этот язык в употребление между собой. Для этого они заставляли Яшку произносить русские слова и повторяли их хором, коверкая невозможнейшим образом. Но скоро они поняли, что все это не так уж весело и что, пожалуй, правильнее выучить Яшку болтать хоть немного по-английски.

Жить на берегу океана было хорошо, гораздо лучше, чем в лагере. Один из американцев, Чарли Ифкин, оказался особенно хорошим парнем. Он подарил Яшке новый картуз и старые подтяжки и, кроме ракушек и слизняков, угощал карамелью. Сидя на песке, компания любовалась проплывавшими мимо яхтами и пароходами. По вечерам много гуляли вдоль берега, а иногда и по апельсиновым садам, где под покровом темноты можно было поживиться фруктами. У ребят были карты, и Яшка выучился играть с американцами гораздо раньше, чем разговаривать. Играли на орехи, на ракушки, на щелчки. Иногда ребята

уходили в город на неизвестный Яшке промысел. Но с Яшкой всегда оставался один по жребию, не в качестве сторожа, а так, на всякий случай.

Все было бы хорошо, если бы не начались дожди. Американцы поднимались сумрачные по утрам и долго спорили, кому идти в город за продовольствием. Дело иногда доходило до драк. На Яшку обращали все меньше и меньше внимания, и однажды вечером он понял, что надоел ребятам. К этому времени он успел уже спеть им все русские песни, которые знал, и показать все штуки. Незнание языка лишило его возможности принимать участие в общих разговорах, и его начали просто не замечать. Американцы теперь часто уходили гулять без него, и один раз вовсе не явились ночевать. Они не пришли и на следующий день, и сидевший с Яшкой в пещере Боби Снукс начал как-то тревожно поглядывать на небо и на Яшку. Прошел еще один день, и вот Боби обратился к Яшке с длинной речью, из которой тот ровно ничего не понял.

Тогда Боби начал переводить свою речь на язык звуков и знаков, понятных людям всего мира. Он показывал пальцами идущие ноги, гудел, как паровоз, прыгал и стонал. Убедившись, что Яшка ничего не понимает и теперь, он нарисовал на камне план лагеря и одинокую фигурку, идущую к воротам. Яшка догадался, что Боби намекает на

необходимость возвращения его в лагерь. Яшка сделал вид, что не понимает рисунка на камне, так как привольная жизнь в пещере его совершенно удовлетворяла.

На четвертый день утром Боби решительно взял Яшку за руку, напялил на него новый картуз и повел по дорожке от океана по направлению к шоссе. Яшка догадался, что Боби ведет его в лагерь. Но он не стал сопротивляться американцу, так как весь день накануне они ничего не ели, кроме слизняков. Конечно, Яшка представлял себе те наказания, которым он подвергнется за самовольную отлучку, но голод сделал его покорным.

У Боби не было ни гроша в кармане, и тот путь, который они в свое время проделали в полчаса на трамвае, теперь им пришлось мерить шагами по крайней мере три часа. Дорога была хорошая и веселая; по обе стороны ее тянулись сады, ограды и красивые каменные дома. Бесшумно проносились автомобили.

Но Яшку все это теперь не занимало.

Они вышли на поле перед лагерем в тот час, когда ребята обыкновенно делали гимнастику и бегали по двору. Яшка уже рассчитывал услышать знакомые голоса за забором, и это его развеселило. Наказание наказанием, а приятно все-таки поговорить по-русски со своими после долгого,

вынужденного молчания, рассказать товарищам о том, как жилось в пещере, какого вкуса слизняки, и угостить Михайлова резиновой жвачкой, оставшейся в кармане.

Но все было тихо за оградой. Яшка решил, что ошибся во времени и что сейчас обедают. Это тоже было не плохо, голод за время ходьбы сильно увеличился. Боби и Яшка подошли к воротам, которые были почему-то открыты. Они вошли внутрь, на двор, и здесь увидели, что рабочие разбирают бараки и складывают доски в грузовики. Никаких ребят на дворе не было. Очевидно, протесты их возымели свое действие, и американцы отпустили колонию на родину. Поселок же просто уничтожался, как ни на что не нужный.

Боби Снукс прежде Яшки сообразил, в чем дело. Он тихо свистнул и не спеша вышел со двора. А когда Яшка повернулся и посмотрел в ворота, то увидел, что Боби со всех ног бежит по полю в сторону полотна.

Этим, конечно, он хотел сказать без слов, что содружество их прекращается и что Яшка может проводить время в Америке по своему усмотрению.

В погоне за помощью

Да, Русская колония уехала из Сан-Франциско неизвестно куда, и Яшка остался один в Америке!

Эта мысль промелькнула в Яшкиной голове и подсказала ему, что теперь его единственное спасение заключается в Боби Снукс. Он понял, что отстать от американца — значит погибнуть. И он бросился вдогонку за Боби так, что воздух засвистел у него в ушах.

Яшка бежал долго, напрягая все свои силы, и Боби скоро понял, что избавиться от русского мальчишки при помощи одних только ног совершенно невозможно. Он остановился и скрестил на груди руки. Яшка обрадовался, полагая, что американец пожалел его. Но Боби просто решил отколотить Яшку, чтобы отбить у него всякую охоту играть в догонялки, когда его не просят.

Драка не была слишком долгой. Боби имел преимущества: он знал бокс. Яшка же дрался, как обыкновенный крестьянский мальчишка, без толку махая кулаками и неистово крича. Вдобавок, он и не хотел причинить американцу боли. Только разгорячившись, в конце драки, он пошел «на бычка» и получил сильный удар по шее. Тут Яшка решил схитрить: он упал будто от удара и закрыл глаза. Боби повернул его на спину и бросился бежать. А Яшка быстро поднялся и пустился вслед за ним.

Яшка гнался за Боби десять дней. Впоследствии ему казалось, что за это время он и выучился говорить по-английски. Стараясь

разжалобить Боби, он припоминал все известные ему слова, составлял из них фразы и выкрикивал их вслед убегающему мальчишке. Иногда тот останавливался на минуту, отвечал что-то, а потом опять пускался наутек. Желая избавиться от преследования, Боби прятался на пустырях и в покинутых постройках, но Яшка находил его и там. Выбившись из сил, американец усаживался на земле и сидел час или два без движения. Яшка опускался на землю рядом.

В общем силы их были равны, и Боби уставал одновременно с Яшкой. Денег у Боби не было, и это лишало его особых преимуществ. Он принужден был выискивать себе пропитание, собирая объедки и кукурузные зерна, попрошайничая на кухнях. И всякий раз кое-что перепало Яшке.

К концу третьего дня ребята оказались на товарной станции, недалеко от города. Там Боби залез под вагой и довольно сносно устроился у передней оси. Яшка примостился у задней, перенимая все приемы американца. Первый раз в жизни Яшка оказался под катящимся вагоном и испытал ужас, ни с чем не сравнимый. Но он не упал на рельсы, главным образом потому, что боялся отстать от Боби.

Под утро Боби выскочил из-под вагона на какой-то станции и пошел спать в лесок. Яшка

последовал за ним и растянулся на земле тут же. Он заснул настолько крепко, что, конечно, Боби мог бы уйти от него. Но они проснулись одновременно, и совместное путешествие их возобновилось.

Боби примирился с преследованием на десятый день к вечеру. Неожиданно он помог Яшке взобраться в темноте на вагонную площадку. Очевидно, к этому времени он окончательно убедился в том, что отделаться от Яшки все равно нельзя, как нельзя убежать от своей тени в солнечный день. Теперь он готов был уже видеть в Яшке равноправного путешественника, который обладает всеми нужными в пути качествами и только одним недостатком: с ним нельзя по-настоящему разговаривать. Впрочем, кое-что Яшка уже понимал и иногда даже отвечал Боби.

Так они ехали в поездах по ночам, а днем спали в оврагах и под мостами. Было очень жарко, леса кончились, и вдоль путей потянулись хлопковые поля, в большей части уже убранные. В воздухе летали тонкие волокна хлопка, и песок забивал глаза, нос и рот. Все чаще и чаще на станциях встречались негры и коричневые люди, которых Яшка принимал сначала за цыган, потом за индейцев и которые на самом деле оказались мексиканцами. Ребята совсем не умывались в пути. Они побурели от пыли и вагонной смазки и сами стали похожи на негров. Последние два дня

путешествия они ничего не ели.

На десятый день, ночью, Яшка и Боби сползли с крыши вагона на какой-то неведомой станции. Боби не стал искать места, где можно было бы заснуть. Он подошел к водокачке и, дождавшись рассвета, долго рассматривал буквы, написанные углем на стенке. Затем уверенным шагом пошел вдоль путей, свернул на дорогу между плантациями и, нарвав каких-то ягод на невысоком кустарнике, немного закусил. Яшка тоже поел ягод, вкусом похожих на сладкую рябину. Он ждал, что Боби ляжет спать под кусты, но американец двинулся дальше. Скоро Яшка увидел море вдалеке, и это его обрадовало. Он знал, что в здешних морях водятся съедобные слизняки и ракушки.

Когда море было совсем близко, Боби ускорил шаги, а потом вдруг бросился бежать. Яшка удивился, что он опять принялся за старые штуки, и припустился за ним следом.

Но на этот раз Боби вовсе не хотел отделаться от Яшки. Дело заключалось в ином. У моря на песке Яшка увидел всю компанию сан-францисских ребят. Они лежали у самой воды, покуривая трубочки.

Яшка закричал что-то радостное по-английски и бросился вперед, как будто возвращался к родной семье. Ребята поднялись с песка и приветствовали его ответными криками. Прибывшие выкупались в

море и поели. После этого Боби в течение часа рассказывал длинную историю их путешествия. К своему изумлению, Яшка понял пойти все. Потом ребята поздравляли Яшку с геройством, жали ему руки и катались вместе с ним по песку. Начиная с этого момента, Яшка ни разу не замечал желания ребят отделаться от него каким бы то ни было образом.

Впоследствии Яшка узнал, что он, сам того не ведая, пересек Америку поперек, от Калифорнии до Техаса, на Мексиканском заливе. Такое путешествие ребят к теплому морю носило сезонный характер, как перелет птиц. На их языке это называлось «податься на юг».

Они проводили холодные месяцы в том месте Соединенных штатов, где не бывает заморозков зимой, именно в южной равнине Техаса, рядом с Мексикой.

Скитания по Америке

Из американских ребят Чарли Ифкин больше других нравился Яшке. Именно Чарли еще в Калифорнии подарил ему новый картуз.

Это был черноглазый высокий паренек лет пятнадцати. Несомненно, он пристал к компании бродяг по какому-то недоразумению. Он больше любил работать, чем воровать и бездельничать.

Заработанный честным трудом цент казался ему привлекательнее дюжины украденных яиц. Кроме того Чарли любил в свободное время читать газеты, а в карты всегда проигрывал, так как не умел плутовать.

С первых же дней знакомства Яшка почувствовал к Чарли симпатию и в Техасе сделал все возможное, чтобы подружиться с ним. В декабре они были уже приятелями, и Чарли занялся Яшкой обстоятельным изучением английского языка. Для этого он палкой писал буквы, слова и пословицы на мокром песке и заставлял Яшку все это выучивать на память. В январе они уже понимали друг друга, и это доставляло Яшке огромное удовольствие. Наконец-то из бессловесного животного он превратился в человека! Правда, он не мог еще высказывать своих душевных мыслей, но простые его желания Чарли понимал.

Как-то Чарли растолковал Яшке, что цель его жизни — сделаться работником на ферме. Яшка согласился с тем, что это дело стоящее. Потихоньку они сговорились весной отколоться от ребят и двинуться на север, в хлебные места. Там, конечно, нет моря и апельсинов, но зато нет и духоты; там хорошая пища и люди рассудительные и спокойные. Чарли не имел еще опыта по части работы на фермах, но кое-что знал. Так, он сообщил Яшке, что для того, чтобы сделаться настоящим

рабочим, необходимо купить одеяло. Хоть не шерстяное, а хлопковое, доллара за три-четыре.

Ребята начали копить деньги на одеяла. В ту пору жили они в окрестностях города Хьюстона и занимались упаковкой лука в ящики. Дело это было нетрудное и давало заработок. Яшке оно нравилось еще потому, что не требовало знания английского языка.

Ближе к весне оба парнишки получили другую работу. Переселившийся с севера фермер решил за зиму заготовить кирпичи для постройки. Он купил старый пресс и принялся за работу. Но один справиться с делом он не мог. Надо было поднимать глину из глубокой ямы и смешивать ее с песком. Фермер рассчитал, что без посторонней помощи он не сумеет сделать нужных сорока тысяч кирпичей, и тут ему подвернулись ребята. Он им платил обоим, как одному взрослому, а работать заставлял много. Но в общем зима для ребят прошла легко: морозов не было, солнце прекрасно подсушивало кирпичи, и заработок позволял прилично питаться.

В начале марта Чарли заявил, что пора сниматься с места. К этому времени ребята уже обзавелись одеялами, так что остановки ни за чем не было. Чарли и Яшка взяли расчет у фермера, простились с товарищами и двинулись на север.

Яшка уже умел ездить без билета по

железным дорогам, да и Чарли относился к нему в пути лучше, чем Боби в свое время. Правда, одеяла мешали устраиваться под вагонами, но с этим надо было примириться: ведь они заменяли паспорт. По этим одеялам люди догадывались, что ребята не простыв бродяги, а честные рабочие, которые пробираются поближе к пшеничным районам.

Без особых приключений Чарли и Яшка добрались до штата Канзас и тут на одной из станций увидели замечательную машину — комбайн, которая одновременно жнет хлеб, молотит и ссыпает зерно в мешки. Чарли объяснил Яшке, что работать на таких машинах такое удовольствие, и Яшка согласился с этим. Ребята долго рассматривали это похожее на дом чудовище, о существовании которого Яшка прежде и не подозревал.

Впрочем, ребятам в это лето не пришлось поработать на комбайне. Осенью им довелось только увидеть эту машину в работе. Теперь же никто не хотел им доверить даже трактора, да и сами они на этом не слишком настаивали. После долгих странствований пешком по фермам ребятам удалось устроиться только на скотный двор. Они нанялись на место умершего рабочего, причем опять согласились получать вдвоем столько же, сколько он получал один. Это было выгодно фермеру, так как двое подростков могли сделать

больше, чем один взрослый.

Работа оказалась невеселой. Чарли разносил корм сорока серым коровам, которые двумя рядами стояли в хлеву, хвостами к проходу. Яшка работал у хвостов. Он должен был подбирать навоз, грузить его в подвесную вагонетку и вывозить на двор.

Дойка коров производилась электричеством, при помощи особых трубок, по которым молоко текло прямо в подойники. Украсть хоть стаканчик молока было невозможно, так как хозяин во время дойки из хлева не отлучался, а коровы не позволяли доить себя руками. Ели коровы невероятно много и дышали ровно, как машины. В хлеву стояла тишина, и очень кисло пахло кукурузным силосом, которым Чарли наполнял кормушки.

Сначала коровы развлекали Яшку. Они напоминали ему Пеструшку, которую он погубил когда-то в овраге. Но потом он пришел к заключению, что американские коровы не похожи на русских. Они были больше, степеннее, все одного цвета и не паслись в поле. Кроме того уборки за ними было слишком много. Яшка начал скучать в хлеву. Захотелось удрать с фермы. Чарли был готов поддержать Яшку, но оба они были уже настолько опытны, что не решались бросить работу, пока не могли рассчитывать на новую. Только осенью однажды утром Чарли сказал:

— Теперь, Джек, можно двигаться дальше.

Сейчас на севере самая ягодная пора.

И Яшка ответил:

— Ол райт...

Что значит — ладно.

К этому времени Яшка стал довольно сносно понимать английский язык и даже выучился петь несколько американских песен.

Был уже сентябрь, и ребята, чтобы не терять времени, купили себе билеты и отправились в штат Вашингтон. Там в течение месяца они занимались уборкой разных ягод, а потом, когда ягодный сезон кончился, стали работать по сбору яблок. Чтобы не поцарапать ногтями кожицу плодов, идущих на продажу в столицу, ребята работали в перчатках. В ноябре все яблоки были сорваны с деревьев и упакованы в ящики. Работы в штате Вашингтон больше не было, и Чарли предложил не спеша двинуться на юг, отдохнуть. На этот раз ехали без билетов, чтобы сберечь заработанные доллары на зиму. В южном уголке Техаса Яшка и Чарли опять нашли старых знакомых, которые по-прежнему лежали на песке и жевали жвачку. Ребята встретили прибывших радостно и очень удивились, что Яшка выучился говорить по-английски. Но безделье теперь уже тяготило Яшку и Чарли. Повалявшись с неделю на песке, они нанялись на работу к негру, который закладывал новую хлопковую плантацию, а ранней весной уехали на север, в земледельческие

районы.

Второе лето прошло веселее и плодотворнее. Ребята возмужали, и им пришлось уже пахать, правда на лошадях. Осенью они убрали кукурузу в штате Арканзас, а зимой, вместо того, чтобы ехать к теплому морю, двинулись на север. На эту мысль их натолкнул рабочий Том Боер, их новый знакомый. Каждую зиму он отправлялся на север, на лесные разработки. Он много рассказывал ребятам о работе в лесу и даже пообещал помочь в приискании заработка.

Север и юг, особенно зимой, совершенно не похожи друг на друга. Но ребята не слишком долго обдумывали предложение Боера. Им хотелось познакомиться с новым делом, да и заработки на севере были высокие. По приезде на место, в штат Миннесоту, Яшка увидел хороший снег, которого не видал уже несколько лет. Он даже обрадовался ему, как приятелю, хотя этот прекрасный, блестящий снег потребовал теплой одежды. Почти все сбережения пошли на покупку шерстяных чулок, свитеров и курток. В результате в карманы новой одежды нечего было положить: все деньги вышли.

В лесу рабочие жили в домах, построенных на вагонных колесах. Таким образом не приходилось далеко ходить на работу. По мере того как лес уничтожался, прокладывались рельсовые пути и

дома с рабочими катились вперед, все глубже и глубже заползая в лесные дебри. Валились деревья при помощи особых переносных автоматических пил, которые легко резали деревья, как колбасу. Маленький мотор фыркал и отплевывался, и сосны ложились набок тихо и послушно. Затем лебедка железными цепями подтаскивала поваленный ствол к полотну, а кран укладывал бревно на платформу. Паровоз отвозил бревна на лесопилку, а потом возвращался за новыми.

Каждый день падали тысячи деревьев, и лес исчезал с совершенно непостижимой быстротой. Железнодорожный путь разветвлялся в разные стороны и был похож на огромную железную лапу, запущенную в волосы земли. К концу зимы лесная площадь совершенно облысела.

К весне фирма свернула свои лесные операции, так как рубить было больше нечего. Ребят рассчитали. Они простились с Томом Боером и отправились в небольшой городок, бывший по соседству с разработками. Там подновили свои костюмы, походили в кино и отдохнули. А затем решили двинуться на юг.

За зиму они познакомились с двигателями разных систем и теперь рассчитывали, что им удастся получить работу на ферма при машинах.

Яшка очень вырос и окреп за последний год, а когда надел новое пальто и шляпу, то стал похож на настоящего американца. Впервые этой весной он почувствовал, что крепко стал на землю Америки. Так Яшка и Чарли сделались профессиональными уборочными рабочими. С течением времени у них завязались знакомства среди фермеров, и они уже знали, где в какую пору можно найти хорошую работу. Теперь они не хватались за первый

попавшийся заработок, а торговались в запрашивали лишнее.

С годами увеличивалась их сила, сообразительность, ловкость и умение. В этом отношении Яшка даже опередил Чарли. Он выучился править десятком крупных лошадей сразу и умел пустить в ход любую машину. На-глаз он точно определял, сколько апельсинов в ящике и сколько быков в загоне. Огромные элеваторы, бесконечные линейки шоссе, квадратные поля с кукурузой, машины, во всем заменяющие людей, стали для него привычным зрелищем.

Русский деревенский мальчишка превратился в американца, смекалистого и расчетливого. Яшка Восьмеркин из деревни Починки сделался Джеком Осмеркинг. Он сам выбрал себе это имя и фамилию. Так он значился и в документе, который ему удалось выправить.

Два последних лета ребята работали на табачных плантациях в штате Вирджиния. Там они ухаживали за сигарным табаком, а осенью помогали фермеру сушить и вялить широкие пахучие листья. Там же они выучились крутить ладонями длинные, почти черные сигары, которые славятся на всю Америку. Но сами они сигар не курили. И этому была особая причина.

Цель жизни

Да, Яшка сделался настоящим американцем! Но он все еще немного помнил свою корову Пеструшку, из-за которой когда-то заливался слезами. Помнил и огород с укропом и репой, где можно было есть все, что захочется. Помнил свою телегу, пахнувшую дегтем, и жеребенка, с которым он любил бороться.

Конечно, все шло у него хорошо с работой в Америке, но он никак не мог примириться с мыслью, что на всю жизнь останется батраком, уборочным рабочим. Первая же бумажка в десять долларов, отложенная на черный день, заставила его призадуматься. Тогда он скрыл свои думы от Чарли, но, отложив двадцать долларов, он не удержался и высказал приятелю свою задушевную мысль:

— А хорошо бы, Чарли, нам завести свою собственную ферму. Хоть самую маленькую, ну, скажем, в сорок акров.

— Но непременно с водой, — поддержал его Чарли. — Мы так и сделаем, Джек. Будем копить деньги. А когда соберется четыре тысячи долларов, арендуем ферму и заживем на славу.

Так определилась цель их жизни, обычная цель бродячего американского сельскохозяйственного рабочего, который, проводя десятки лет в скитаниях, не имеет возможности

даже обзавестись семьей.

Чарли и Джек оба любили землю за то, что она производит массу ценных и вкусных вещей: сахар, сигары, персики, цветную капусту и пшеницу. На земле стоят дома и пасутся коровы.

Земля без устали поглощала всю их молодую силу. Но скучно из года в год разбрасывать свой труд по всем штатам и ничего не иметь, кроме стойких мозолей на руках и ногах.

Бродяга скоро устает от постоянных переездов, ему хочется трудиться на одном месте и видеть, как дело его растет. Ребята тут же подсчитали, когда именно они смогут сделаться настоящими фермерами. По известным им примерам на это требовалась целая жизнь, вернее, две жизни. Только к пятидесяти годам, при самой строгой экономии, батрак мог рассчитывать сделаться арендатором. Умирая, он оставлял сыну клочок арендованной земли, и уже сын, трудясь всю жизнь, должен был выкупить ферму и сделаться собственником. Все это было известно ребятам, но не пугало их.

Во-первых, потому, что их было двое, и таким образом сроки сокращались.

Во-вторых, они, как ребята, по молодости лет рассчитывали если не на чудо, то на удачу. Но и при этих условиях раньше десяти лет им нечего было и думать осесть на землю. Десять лет и были

приняты Яшкой и Чарли как необходимый срок.

В десять лет из рабочих они должны были сделаться арендаторами. Чарли тут же составил план будущей фермы, где были пруд и огород и фруктовый сад с яблонями и абрикосами. Во время своих скитаний они присматривались к фермерским домам и выбрали себе коттедж по вкусу: весь увитый виноградом, с красной крышей и большой террасой. В конюшне должны были стоять для начала две лошади, большие, светло-желтые, с белыми ногами. В сарае, кроме всех нужных машин, будет крытый автомобиль, прекрасный быстроход, на котором можно ездить в гости за сто километров. Вместе с фермой они приобретали ранние утра, росу на траве, жаркие дни, золотые дожди и весь свод небесный с луной и звездами.

Ребята поклялись друг другу, что никогда не отступятся от своей мечты, и принялись копить деньги.

С этого момента жизнь стала серой и безрадостной. Приходилось отказывать себе во всем: в кино, в новых башмаках, в лакомствах. Оба решили ни в коем случае не курить, чтобы не создавать себе лишней потребности, хотя на плантациях можно было получать табак бесплатно. Была создана целая система экономии, учитывался каждый цент, и даже потеря пуговицы считалась несчастьем.

Все это, понятно, обесцвечивало жизнь. Но зато появились темы для постоянных разговоров и мечтаний. Детали фермы все яснее и яснее вырисовывались из глубины будущего времени. Даже сорта яблонь в саду были известны: «президент», «бербенк» и «санта Роза». Придумывались клички собакам: Боби, Снукс, Тафт, Ли. Чарли составил ведомость постепенной покупки вещей. В ведомость были записаны посуда, мебель, собаки, голуби, ружья и наконец автомобиль для прогулок. Часто Джек просыпался утром и говорил:

— Знаешь, Чарли, я во сне опять видел нашу ферму.

— Представь себя, я тоже.

И они обменивались рассказами, которые были похожи, как два яйца одной курицы.

Тогда же ребята завели особый мешок, в который отряхивали колосья пшеницы с самыми крупными зернами. В мешке было три отделения: для «манитобы», «дакоты» и «маркизы» — лучших сортов во всей Америке. Ребята решили, что когда-нибудь они высеют эти зерна на своей земле и получат отборную пшеницу, которая будет гордостью их фермы. Часто в свободное время они проветривали зерна на одеяле, любовно пересыпали их из ладони в ладонь и отбрасывали мелкие. Мешок из года в год увеличивался в объеме, и

качество зерен повышалось.

Гораздо хуже дело обстояло с денежными сбережениями.

Ребятам везло с работой, и оставаться без дела на целый сезон им не приходилось никогда. Но каждый год какой-нибудь непредвиденный случай поглощал значительную долю сбережений.

Один раз Чарли загнал фермерскую лошадь, и хозяин через суд взыскал с него сто двадцать долларов. Пришлось заплатить, хотя эта сумма была сбережением чуть ли не целого года. В другой раз Джек упал с трактора и выбил себе зубы. Чарли не возражал против того, чтобы на вставку золотых зубов истратить восемьдесят долларов. Ведь невозможно же человеку жить без зубов!

Каждый раз после таких огромных непредвиденных расходов ребята приходили в отчаяние. В один миг собственная ферма отодвигалась вдаль на лишней год или полгода. Джек не спал несколько ночей после этого, а если и засыпал, то ферма уже не снилась ему. Чарли же начинал придумывать разные способы более быстрого обогащения. Он предлагал, например, отправиться за золотом на Аляску или заняться торговлей в Чикаго. Но всякий раз Джек останавливал его. Ему казалось невозможным рисковать имеющимися у них долларами. И в конце концов Чарли соглашался с этим.

Но все же мысль американца все время работала в одном направлении: как бы ускорить накопление четырех тысяч долларов.

Однажды он заявил Джеку, что дело надо начинать с конца, то есть прежде всего купить автомобиль. Он тут же попытался доказать, что автомобиль даст возможность быстрее передвигаться и легче отыскивать работу в небольшом районе. Таким образом они сэкономят на разъездах.

— Ты просто обалдел, Чарли! — закричал возмущенно Джек. — Ведь автомобиль стареет, а деньги, наоборот, приносят проценты. Рано или поздно придется выбросить машину, и у нас ничего не останется.

— Мы продадим ее, пока она еще будет ползать. Убыток потерпим небольшой. Кроме того мы устроим жильё в каретке и будем там ночевать.

— Лучше и не заговаривай об этом. Я не позволю снять с текущего счета ни одного цента.

Расходы с текущего счета производились только по общему согласию, и Чарли принужден был покориться. Но спор об автомобиле возникал множество раз. Однако Джек был непоколебим. Может быть, в нем говорил русский крестьянин, не привыкший верить машинам. Тем более, что в этот период на их текущем счету лежало всего двести пятьдесят долларов, хотя уже четыре года прошло с

тех пор, как они начали копить.

— Нам придется работать еще не меньше пятнадцати лет, — говорил Джек, подсчитывая проценты. — Мы должны откладывать каждый год по триста долларов, а пока за четыре года накопили двести пятьдесят. Кроме того мы не учитывали при составлении плана, что земля дорожает.

— Дальше пойдет быстрее, — успокаивал его Чарли. — Не забудь о сложных процентах. Ручаюсь тебе, что ферма у нас будет через восемь лет.

— Хорошо. Подождем восемь лет.

Теперь они сэкономили на всем: на жилье и на еде. Поэтому во время путешествий на север им приходилось ночевать под открытым небом. Их поливал дождь, а иногда, просыпаясь, они оказывались под простыней снега. Они грели друг друга, а утром Чарли шептал Джеку на ухо:

— Ничего, что холодно, Джек. У нас на ферме будет высокий камин из дикого камня и прекрасные шерстяные одеяла. Тогда мы будем спать как следует.

— Я это знаю лучше тебя, — отвечал Джек. — Но сегодня ночью мне снилось, что я улегся спать в леднике. Сколько однако у нас там стояло кувшинов с молоком!..

И продолжая разговор в том же духе, они забывали о холоде. Ведь каждый из них знал, что эта ночь под снегом превратилась в один доллар.

Иными словами, момент приобретения фермы приблизился больше чем на сутки.

* * *

Джек заболел скарлатиной осенью на плантации в Вирджинии, недалеко от города Петербурга. Он лежал в машинном сарае. Туда перевели его с чердака, где он жил до этого вместе с другими рабочими.

Чарли ухаживая за ним, пока болезнь не приняла угрожающих форм. У Джека началась рвота, потом бред и страшная лихорадка. Был вызван доктор, который потребовал, чтобы больного немедленно перевезли в больницу. Иначе он не ручался за исход болезни.

Когда Джека положили в телегу, он соскочил с нее и хотел убежать. Но его поймали и силой уложили на солому. Чарли поехал вместе с ним. В пути Джек открыл глаза и начал слезно просить товарища повернуть лошадь обратно. Он клялся, что выздоровеет через три дня и будет продолжать работу на плантации. Смешно снимать деньги с текущего счета на такие пустяки, как болезнь. Но Чарли невозмутимо погонял лошадь. Разволновавшийся Джек скоро потерял сознание. Когда Джек пришел в себя, он увидел, что находится в чистой белой комнате, на прекрасной

постели. Рядом с ним на табуретке сидела женщина в белой одежде.

— Сколько стоит эта комната в день? — спросил Джек прежде всего.

— Четыре доллара, мистер Осмеркинг.

— Ох...

Джек страшно застонал и закрыл глаза. Он открыл их только для того, чтобы взглядом подозвать женщину.

— Сколько времени будет продолжаться моя болезнь?

— Недель шесть.

— А сколько дней в шести неделях?

— Сорок два.

Джек закрыл глаза и до вечера не сказал больше ни слова. Он пытался перемножить в уме доллары на дни, и чудовищные цифры мелькали у него в голове. Это были сотни, тысячи, миллионы долларов. Миллионы множились и превращались в сплошной туман. За этим туманом скрывались ферма, желтые лошади, автомобили и голуби. Ночью он открыл глаза и с огромным усилием воли произнес:

— Будьте добры перемножить четыре на сорок два. Я не могу.

— Сто шестьдесят восемь.

«Сто шестьдесят восемь» прозвучало для Джека, как смертный приговор.

Всю ночь он бредил этим числом и только под утро заснул.

* * *

Чарли, положив Джека в больницу, решил остаться в городе, так как очень беспокоился за своего друга. Его не пускали в палату, и он целыми днями сидел в приемной, стараясь поймать хоть кого-нибудь и разузнать последние новости о больном.

Как-то утром сиделка сказала Джеку, что Чарли шлет ему привет. Джек разволновался. Ему казалось чистейшим безумием сидеть без дела в приемной, когда надо работать на плантации. Он упросил сиделку спуститься вниз и передать Чарли, чтобы тот отправлялся на ферму. Чарли послушался и уехал. Но работы на плантации скоро окончились, и он, получив расчет, снова вернулся в город. Тогда Джек прислал ему приказание — немедленно ехать на север. Нечего сидеть сложа руки, когда проклятая скарлатина должна съесть чуть ли не все их сбережения.

Чарли уехал на север, а Джек начал поправляться. От спокойной и сытой жизни в больнице силы его быстро восстановились. Мало того, он почувствовал, что полнеет. Эта полнота прямо удручала Джека. Он понимал, что это их

будущая ферма откладывается в его теле в виде жира, и страшно нервничал. Вместо того, чтобы спокойно сидеть в кресле, он ходил по комнате и стонал. Ведь каждый день в больнице снимал с их счета целых четыре доллара!

Джека выпустили из больницы к тому времени, когда Чарли уже успел устроиться на севере. Он прислал подробное письмо с извещением, что местечко найдется и для Джека. Перед отъездом Чарли оставил Джеку в больнице пятьдесят долларов и теперь просил друга непременно ехать с билетом, чтобы не подвергать себя лишней опасности. Но Джек и не подумал брать билет. Он решил, что в ближайшие полгода должен возместить всю сумму, потраченную на больницу. Именно с билета он и начал экономить.

Но все-таки он потерял много сил за время болезни. Только с большим трудом ему удалось пристроиться под вагоном и проехать один перегон. На остановке кондуктора погнались за ним, он побежал и упал. Его схватили и передали в руки полицейского.

Несмотря на просьбы и объяснения Джека, полицейский загнул ему руки за спину и повел в участок. В этом участке Джеку пришлось провести ночь, первый раз за время пребывания в Америке.

Утром судья выслушал полицейского и, узнав, что Джек русский, нашел в его преступлении

признаки сопротивления полиции. Он приговорил Джека к штрафу в сто долларов с заменой штрафа, в случае несостоятельности, арестом на месяц. Случай несостоятельности был налицо, и Джека отправили для отбытия наказания обратно в город Петербург, где он за день перед тем лежал в больнице.

Джек ехал в вагоне с полицейским и думал только об одном — как бы удрать. Но в пути это ему не удалось. В городе же думать о бегстве было уже невозможно: полицейский шагал рядом с ним, держа наготове заряженный револьвер.

Этот путь в тюрьму был одним из горьчайших моментов жизни Джека в Америке. Тюрьма казалась ему более страшной, чем больница. Правда, платить за нее не надо. Но он,

окончательно выздоровевший, должен провести в ней тридцать суток под замком, вместо того чтобы работать! Иными словами, зимний сезон для него потерян.

Впервые на пути в петербургскую тюрьму Джек пришел к мысли, что собственной фермы у него никогда не будет. Жизнь устроена так, что даже самые маленькие мечтания окружены со всех сторон непреодолимыми препятствиями. Джеку показалось даже, что он открыл новый экономический закон: цены на землю в Америке стоят такие, что уборочные рабочие не могут делаться хозяевами. А раз так, то гнаться за фермой — просто значит обманывать себя.

— Все кончено! — сказал Джек громко, когда ворота тюрьмы щелкнули за его спиной своими железными зубами.

И внутри его какой-то голос отозвался:

— Да, кончено, Джек. Все кончено! Тюрьма — вот твоя ферма, простофиля!

Чему можно научиться в тюрьме

По американским тюремным обычаям Джеку остригли голову под «три нуля», затем заставили принять горячую ванну и голышом, в одних башмаках, отправили в цейхгауз. Там ему была выдана полосатая арестантская одежда.

Во время всех этих процедур Джек держал бывшие у него пятьдесят долларов под языком, он боялся, что у него отберут эти деньги. Но все прошло благополучно. Вслед за надзирателем Джек направился по коридору к назначенной ему камере. Запирая за ним дверь, надзиратель сказал, что на сегодня он освобождается от работы, но с завтрашнего дня он будет назначаться в наряд вместе с остальными арестантами.

Камера, предоставленная Джеку, была невелика, с одним квадратным окошком на порядочной высоте. За время своих скитаний по Америке Джеку приходилось видеть помещения и похуже, поэтому он не испугался камеры. Вдобавок там уже оказался один заключенный, так что и одиночества не предвиделось.

Когда Джек вошел, товарищ его по камере лежал на полу и разговаривал сам с собой. Они сейчас же познакомились.

Арестант назвался Томасом Кроппером, безработным слесарем.

Кропперу было сорок лет, но на вид ему можно было дать и все пятьдесят. Его вымотала работа на «рационализированных» заводах. Он кратко познакомил Джека с тюремными порядками, а потом деликатно поинтересовался, за какую провинность попал Джек в петербургскую тюрьму. Джек с полной искренностью рассказал свою

историю.

В отплату за это Кроппер рассказал свою. Он был осужден на два месяца заключения за ночевку под открытым небом в черте города и попытку бежать от полиции.

После обмена биографическими справками заключенные заговорили на общие темы. И тут Джек увидел, что на свете бывают люди поумнее, чем он с Чарли. Тяжелая работа в полях и в лесу оставляла ребятам мало времени для чтения. Если им и приходилось читать, то только дешевые книги о сыщиках и золотоискателях. Кроппер был другого поля ягода. Он знал не только то, что печатается в газетах, но и то, чего там не печатается. Когда вечером, в первый день заключения, Джек рассказал ему о своем плане скопить деньги на ферму, Кроппер захохотал. Он смеялся долго, размахивая руками, а потом заявил, что в Америке честным путем этого сделать нельзя.

Джек начал с жаром доказывать, что можно, но Кроппер заткнул ему рот вопросом:

— Ну, скажите, сколько денег накопили вы оба за пять лет?

— Сейчас у нас пятьдесят долларов. Но иногда доходило до трехсот.

— Хорошо. Сейчас у вас пятьдесят долларов. А вам нужно четыре тысячи. Значит, вам придется еще попотеть четыреста лет.

Джек возразил на это, что им не везло все время, но в будущем непременно повезет. В ответ Кроппер насмешливо засвистел. Джек пригорюнился, так как, в сущности говоря, Кроппер повторил его собственные мысли. Ведь он сам, шагая по Петербургу с полицейскими, пришел к заключению, что фермы у него не будет никогда.

Вдруг Кроппер опять громко засмеялся.

— Стойте, стойте, Джек! — заговорил он. — Ведь вы мне сказали в начале нашей беседы, что вы русский?

— Я и теперь от этого не отказываюсь.

— А ну, скажите мне что-нибудь по-русски.

— Земля, — сказал Джек. — Дом, вода, деревня, хлеб, яблоки...

— Довольно, Джек. Я извиняюсь перед вами. Я совершенно упустил из виду ваше происхождение. Теперь я готов поверить вам, что ферма у вас будет гораздо раньше четырехсот лет.

— Почему вы теперь так думаете?

— Он еще спрашивает! Хорош русский, нечего сказать! Да разве вы не знаете, что в России была революция?

— Прекрасно знаю. Но что из этого следует?

— Очень многое, дружище. За каким чортом вам выбиваться из сил в Америке? Ведь вы же имеете возможность получить землю бесплатно, когда угодно...

— Землю? Бесплатно? Сорок акров с водой?

— Ну конечно, что-нибудь в этом роде.

Джек никогда ничего не слышал о бесплатных фермах. Поэтому он испуганно спросил:

— Каким же образом можно получить бесплатную ферму?

— Да очень просто: после революции в России раздадут землю даром.

Джек недоверчиво покачал головой.

— Наверное, какие-нибудь солончаки или пески?

— Да ничего подобного, жирнейший чернозем! Прямо как черная икра, которую в Нью-Йорк привозят с Волги и продают по двадцать долларов за жестянку. Намазывай на хлеб и ешь за обе щеки. В России почвы — лучшие в мире, пахотной земли там в десять раз больше, чем во всех наших штатах. Большевики передали все поля, все леса, все луга трудящемуся народу. Купить земли там нельзя, а кто хочет работать, просто подними руку. Ему сейчас же отведут участок, и пожалуйста в поле. Хо-хо!.. Вы думаете, революция — это шутка? Ошибаетесь. Ведь ее и устраивают только для того, чтобы жизнь стала легче нашему брату...

Эти слова Кроппера потрясли Джека. Он прекратил разговор и лег.

Час или два он пролежал с открытыми

глазами, напряженно думая. Потом вдруг вскочил с койки и прошелся по камере. К этому времени Кроппер уже спал.

— Кроппер! — сказал Джек. — Кроппер, проснитесь.

— А? Что?

— Кроппер, сколько стоит проезд до России?

— Я думаю, что больше ста долларов. Но теперь из Нового Орлеана и Бостона везут тракторы и хлопок в русские порты. Если пристроиться на пароход, то на проезде можно даже кое-что заработать...

Даже сел на койку и начал что-то считать по пальцам. Немного погодя окончательное решение созрело в нем: он должен немедленно ехать в Россию, получить там кусок земли, а потом выписать Чарли.

Кажется, в первый раз за все время пребывания в Америке Джек порадовался тому, что он русский. Он начал тихо шептать русские слова; оказалось, что он помнил почти все. И фразы у него составлялись. Да, конечно, он сумеет объяснить по-русски, что ему нужна земля, и сумеет доказать, что он русский и имеет право на землю. Больше думать было не о чем. Он едет в Россию, это решено!

Месяц в тюрьме прошел для Джека, как самая страшная пытка. Дело не в том, что его заставляли

работать в тюремных мастерских, вертеть в прачечной стиральную машину и мыть полы горячей водой. Все это он проделывал без особого отвращения. Пытка заключалась в том, что драгоценное время текло непроизводительно. Узнав, что в России можно бесплатно получить ферму, Джек лишился покоя. Ему все казалось, что он из-за месячной проволоочки может опоздать. А вдруг закон о земле будет отменен? Или введут какие-нибудь ограничения? И Джек сгорал от муки в тюрьме, бегал по камере, а когда засыпал, то стонал и плакал во сне.

Его уже теперь не удовлетворяли разговоры с Кроппером. У слесаря были только самые общие представления о русской революции. Он знал, что русские рабочие выгнали своих капиталистов вон из страны и образовали рабочее государство. Потом началась война со всем миром, русские победили, долго голодали, а теперь поправляются.

Джек напрягал память, желая увязать то, что он видел в России, с рассказами Кроппера. Он помнил, что война действительно была. На его глазах сгорела деревня Починки, и в огне погибла его семья. Он помнил, что во время проезда по Сибири на станциях стояли войска разных национальностей и люди говорили о наступающих большевиках. Тогда он плохо разбирался во всем этом. Но теперь каждый клочок воспоминаний,

подтверждавший слова Кроппера, вызывал в нем радость. Да, конечно, в России все именно так, как рассказывает слесарь!

Сибирь выплывала в его памяти, как огромная лесистая страна, где земли бесконечно много, а людей совсем мало. Вероятно, большевики и раздадут сибирские земли. Надо ехать в Россию, и как можно скорей. Нельзя терять времени... Нельзя...

Но дни в тюрьме тянулись очень медленно, как серые коровы, выходящие из хлева на ферме в Канзасе. Не было сил, чтобы поторопить их. И Джек по вечерам прислонялся головой к стене и выл от тоски, как волк, попавший в капкан.

Джек кончает работу в Америке

Но вот месяц кончился.

Джек простился с Кроппером, которому оставалось отсидеть еще неделю. Слесарь дал ему свой адрес на отделение профессионального союза и просил непременно писать из России.

В тот же вечер Джек отправился на север. Он даже купил себе билет, так как рисковать ему теперь не хотелось. Был уже декабрь, и Джек понимал, что именно зимой надо приехать в Россию, чтобы подготовиться к пахоте. Вот почему он ехал не только с билетом, но даже в скором

поезде.

Чарли в то время переживал тяжелые дни. Он думал что Джека нет больше в живых. Он телеграфировал в больницу желая узнать, скоро ли выпишется его приятель. Из больницы ему ответили, что Джек давно выздоровел и уехал. Чарли и в голову не приходило, что Джек мог попасть в тюрьму. И он жил в тоске, отгоняя от себя мысль о смерти Джека. Но эта проклятая мысль по ночам лезла в голову и не давала Чарли спать. Невеселый был этот месяц.

* * *

Джек приехал на место работы Чарли днем, когда тот уже ушел в лес. Узнав, где именно работает Чарли, Джек отправился к нему прямо по лесу, по снегу. Пока он искал приятеля, время подошло к обеду. Но это не смущало Джека. Он рассчитал, что теперь Чарли получит заработок за полдня.

Чарли обмерял бревна у рельсового пути, когда Джек его заметил.

— Эй, Чарли! — закричал он. — Кончай работу на сегодня.

— Джек, дружище!.. Значит, ты жив? Какого же ты чорта не написал ни словечка?

По серьезному и даже торжественному лицу

Джека Чарли понял, что сейчас ему будет сообщена удивительная новость. Но такой новости он все-таки не ожидал. Еще бы! Ведь Джек подошел близко к нему и твердо сказал:

— Ну... через месяц у нас будет своя ферма, бродяга! При этом ударил его рукой в грудь.

Чарли присел от удара, от удивления, от восторга.

— Сорок акров с водой?

— Именно.

Чарли побледнел.

— Ты, конечно, шутишь, Джек?

— Нет.

— Что же ты делал этот месяц в таком случае? Говори. Ты нашел деньги? Да ну, говори же скорей, где ты был!

— Только в тюрьме, Чарли. Именно там я нашел то, что нам надо.

* * *

Вечером приятели решили, что Джек не будет наниматься на работу в лесу. Он употребит оставшиеся доллары на проезд до Бостона и оттуда с первым же пароходом отправится в Россию. Там получит землю, по возможности ближе к городу и шоссе. По получении земли сейчас же телеграфирует Чарли.

До присылки этой телеграммы Чарли продолжает работать в лесу и копить деньги. Затем он покупает все, что нужно для хозяйства в России, семена, мелкие инструменты, руководства и выезжает, не медля ни минуты. Если все произойдет именно так, можно будет поля засеять уже этой весной, а к осени снять урожай. Иными словами, собственная ферма у ребят будет через несколько недель.

Чарли был почти на год старше Джека, но он во многом ему подчинялся. Джек всегда рассуждал и действовал обстоятельнее, может быть потому, что провел свое раннее детство не в скитаниях, а среди расчетливых крестьян. Против нового проекта Джека Чарли не нашел никаких возражений. Он даже не обмолвился словечком о том, что их будущая ферма переносилась в другую часть света, за тридевять земель. Чарли не обратил никакого внимания на эту мелочь. Ведь он прекрасно знал, что земля везде одна, и везде одинаковы яблоки, молоко и пшеница. Везде надо засучивать рукава повыше и работать до седьмого пота, чтобы снять урожай. А раз так, то не все ли равно, в какой части света будет ферма?

Только перед самым прощанием Чарли спросил Джека:

— А ты не подведешь меня, дружище? Не забудешь обо мне, когда сделаешься

самостоятельным фермером?

— Ты с ума сошел, Чарли! — ответил Джек. — Мало мы с тобой поработали вместе в Америке, что ли? Когда я забывал тебя?

— Но ведь Россия очень далеко, Джек. А ты не написал мне письма даже из Петербурга. Знай, если ты меня забудешь, я перестану верить в дружбу навсегда.

— О дружбе мы поговорим с тобой в России, старик, на собственной ферме, у камина. А пока пиши мне как можно чаще о своей работе. В тот же день, как я обоснуюсь, ты получишь адрес телеграфом.

На родину за землей

Джек приехал в Бостон с одним намерением — как можно скорей устроиться на пароход, идущий в Европу. Конечно, ему больше хотелось бы ехать без пересадок до какого-нибудь советского порта. Но он знал, что пароходы в СССР ходят не часто, а потому был готов помириться и со всяким другим суденышком, которое перетащило бы его через океан.

Джек потолкался в порту два дня и совершенно случайно узнал у шкипера, что в Нью-Йорке грузится хлопком пароход «Мэллоу», идущий прямым рейсом до Мурманска. Само собой

разумеется, что в тот же день вечером Джек оказался в Нью-Йорке.

Отыскать нужный пароход Джек сумел легко. Гораздо сложнее было на него устроиться. До этого Джек ездил зайцем только на поездах, а потому имеющийся у него опыт здесь пригодиться не мог. Джек придумывал разные хитрости, чтобы попасть в трюм, но ничего не получалось. Только накануне отплытия он познакомился в кафе с тремя кочегарами с «Мэллоу» и тут же решил, что искренний рассказ о всей его жизни поможет ему. Он заказал кофе на четыре персоны и долго рассказывал кочегарам свою историю.

Расчет оказался правильным: ребята заинтересовались Джеком. Особенно им понравилось в его рассказе то, что Джек — русский и теперь пробирается на родину за землей. Посовещавшись немного, они спросили, какими средствами он располагает. Узнав, что двадцатью долларами, они сообщили ему, что его дело в шляпе. Оказалось, что у кочегаров было несколько способов перевозки безбилетных пассажиров через океан.

На этот раз было условлено, что к моменту отплытия парохода не явится Джон Клуб, кочегар с наростом на лице. Товарищи в последнюю минуту подсунут на его место Джека, как достойного заместителя. За это Джек должен передать Клубу десять долларов. Эти деньги кочегар употребит на удаление нароста с лица в хирургической лечебнице. При этом Клуб рассчитывал, что хирург выдаст ему удостоверение о сильной потере крови, и это поможет ему впоследствии оправдать свое неприбытие на пароход. Помимо этих десяти долларов, Джек должен был передать Клубу через товарищей весь свой заработок за время рейса. Таким образом Джеку предоставлялся за десять долларов проезд в одну сторону и питание.

С первых же дней работы в кочегарке парохода «Мэллоу» Джек понял, что Клуб, оставшийся на один рейс в Нью-Йорке, сделал

хорошее дело. Кочегары работали в густой угольной пыли и в такой жаре, что воду приходилось пить целыми ведрами. Вся эта вода сейчас же выходила в виде пота через поры кожи, и тело покрывалось липкой черной грязью. Работа продолжалась непрерывно четыре часа. Затем кочегары мылись под душем, закусывали и четыре часа отдыхали. Затем снова выходили на работу. После второй порции работы полагался отдых: двенадцать часов для сна.

Труд был настолько тяжел, что ни у кого не было охоты выходить на палубу. Таким образом за все время перехода Джек ни разу не видел океана. У него было впечатление, что он провалился в ад и там подвергается пыткам. К счастью, мучение в кочегарке не могло быть вечным. Но рейс все-таки затянулся гораздо дольше, чем следовало. «Мэллоу» был пароход старый и не очень спешил. Лишь на двадцатый день показались северные берега Европы. Температура на палубе сильно упала, но в кочегарке была прежняя жара. «Мэллоу» вошел в Кольскую губу в сумерки, которые, впрочем, зимой заменяют здесь день.

Джек без особого волнения увидел берега России. Его занимал только один вопрос: о земле. Волнение его несколько усилилось в тот момент, когда он спустился с парохода на деревянную пристань. Теперь, как он думал, половина дела

была сделана.

Городок Мурманск поразил американцев своей бедностью, малолюдностью, разбросанностью построек. Но и на это Джек не обратил никакого внимания. Он ждал окончания разгрузки парохода, чтобы дезертировать в последний момент, как это было принято.

За полчаса до отхода «Мэллоу» Джек спустился на пристань со своим мешком в руках. Сидя на камне над бухтой, он имел возможность слышать последние призывные гудки парохода, которые отчасти относились и к нему. Затем Джек видел, как пароход, сияя своими разноцветными огнями, тихо двинулся по заливу в сторону океана. Огни делались все туманнее, и наконец исчезли вдали.

А через два часа Джек уже сидел в поезде и ехал на юг.

Он ехал на этот раз с билетом, потому что порядки на советских железных дорогах и устройство нижних частей здешних вагонов были ему неизвестны. Да и мороз стоял порядочный. Ехал Джек прямо в Москву. Именно там, по его мнению, должны были находиться учреждения, бесплатно раздающие фермы.

С землей Джеку в Москве не повезло. Везде, куда он ни обращался, ему говорили, что он должен отправиться в свою деревню и добиваться земли

там. Но он не хотел ехать за Волгу — денег на проезд не было, да и считал, что деревня его давно сгорела.

Кроме того Джек вообще начал сомневаться, что в России можно получить бесплатно ферму с водой.

Редактор начинает действовать

Джек кончил свою повесть и тяжело вздохнул. Электрическая лампочка на столе теперь горела гораздо ярче, чем вечером, когда он начинал свой рассказ. Город спал, и накал лампы увеличился. В ярком свете лицо редактора казалось бледным и очень серьезным.

Вдруг где-то в конце коридора водопроводная труба загудела низко, как пароход «Мэллоу» в Кольском заливе.

— Так гудел американский пароход, — сказал Джек.

Редактор улыбнулся. Эта улыбка подбодрила Джека. Он спросил:

— Что вы думаете о моем деле?

— Что я думаю? Ты хорошо сделал, что возвратился домой. Ребята из петроградской колонии вернулись гораздо раньше тебя, вероятно ничему не научившись. А ты не потратил даром времени в Америке. Такие люди нам действительно

нужны. Кроппер не обманул тебя: ты получишь землю бесплатно и выпишешь своего Чарли.

— Да?

— Я нисколько не сомневаюсь в этом. Но тебе придется, конечно, поехать за Волгу, в Починки.

— Но ведь сгорели они!

— Вряд ли. А если и сгорели, то их давно отстроили. Ты не помнишь, какой они были волости?

— Чиясовской.

— Завтра наведем справку. А пока ложись спать. Ведь устал, небось?

Джеку вдруг показалось, что дело его немного поправилось. Длинный рассказ облегчил его. Он улегся на диван и сейчас же заснул, как человек, сделавший свое дело.

Утром его разбудил звонок телефона.

Джек схватил трубку и услышал голос редактора:

— Алло! Джек, у меня есть новости для тебя. Я звонил в студенческое бюро, и мне обещали сегодня вечером прислать вузовца, который из одних мест с тобой. Понял? Так что в девять часов будь дома. А теперь можешь погулять по Москве. Там у меня на столе лежит рубль. Возьми его себе на обед. Ну, пока...

Джек повесил трубку и как-то испуганно улыбнулся. Нашелся человек из одних мест с ним!

Не из Вирджинии и Канзаса, а из Починок, о которых он давно перестал думать. Кто же это такой?

Джек пил чай и все время старался решить, что принесет ему эта встреча. После чая он пошел бродить по городу. Он заходил в семенные магазины и там рассматривал семена люцерны, клевера, мака. Потом оказался на Мясницкой. Там переходил от витрины к витрине, смотрел жнейки и триеры и в некоторых магазинах даже брал каталоги. Земли у него еще не было, но он не мог оставаться без дела.

Когда в девять часов вечера редактор вернулся домой, Джек сидел за столом. Перед ним на газете были насыпаны зерна отборной американской пшеницы. Он внимательно рассматривал их и раскладывал кучками. Должно быть, это была окончательная сортировка семян перед посевом.

Джек не успел кончить этой операции, когда в передней раздались два звонка, и редактор сам пошел отпирать. Через секунду дверь открылась, и на пороге появился длинный рябой парень в полушубке и клетчатой кепке. Некоторое время он молча смотрел на Джека. Потом вдруг лицо его озарилось, улыбкой, и он закричал гораздо громче, чем это полагается в комнате:

— Здорово, Яшка!

Джек не знал, что ему ответить на это приветствие, и только поднялся с места, пристально глядя на парня.

И тут в чертах незнакомого лица ему почудилось вдруг что-то похожее на забытый деревенский сон. Он не мог припомнить ни имени парня, ни избы, где тот жил в деревне Починки. Но язык его сам собой произнес слово, которое, вероятно, часто произносил в детстве:

— Миииш!

— В том-то ж и дело...

Ребята обнялись. Но Джек все еще не знал, кого именно он обнимает. Ему ясно было только одно — что это его деревенский товарищ, вытянувшийся по крайней мере вдвое.

— Миш, — сказал Джек, волнуясь и бледнея, — что же наши Починки-то, стоят?

— Ну да, стоят. Я там летом был.

— А как же пожар?

— Эво что вспомнил! О пожаре уже все позабыли. После него голод был. Давно все отстроились. И ваши отстроились.

— Наши? Кто наши?

— Кто? А мать-то твоя, Пелагея. Что ж ты без матери что ли, родился?

— А разве она жива?

— Ну да, жива. И Катька, сестра, жива. Отца в бою убили, а они живы-здоровы. Только бедно

живут, скажу я тебе.

Джек густо покраснел. Он даже не знал, о чем дальше спрашивать. Все его убеждения, все воспоминания противоречили сообщению Мишки.

Так, значит, он ошибся тогда, во время пожара!.. И все эти годы напрасно считал себя сиротой... Его мать жива... И сестра... Вот так штука!

От смущения Джек полез в карман и достал оттуда кусочек жевательной резины. Протянул Мишке. Но тот понюхал резинку и положил ее на стол.

— Мы этого не употребляем, — сказал он.

Затем начался длинный разговор, из которого выяснилось, что Мишкина фамилия Громов и жил он прежде через пять домов от Восьмеркиных. Скоро после ухода белых он кончил школу в Чижах, а потом еще учился в городе. Там вошел в комсомол и за хорошие способности был командирован в Москву в Тимирязевский институт. Сейчас учится на втором курсе. Летом ездил в Починки помогать отцу по хозяйству. Деревенские дела поправляются, но туго. Скотина слабая, наделы небольшие, и нет машин. Мать Яшки без мужика бьется, едва сводит концы с концами.

— Меня-то она вспоминает? — спросил Джек.

— Нет, что ты! Думает, что ты давно помер. Да и мы все так думали.

Джек глубоко вздохнул, поднялся и ссыпал в мешок свою заветную пшеницу.

— Ну, прощай, Миш, — сказал от тихо. — Спасибо тебе за вести. А я пойду.

— Куда пойдешь?

— На вокзал. Сегодня домой поеду, в деревню.

— А деньги-то у тебя на билет есть?

— Нет денег. Да я и так проеду. Не такие концы без билета делал.

Тут в разговор вмешался редактор. Он все время сидел молча, лишь временами прислушиваясь к разговору.

— Это не дело, Джек, — сказал он. — У нас в СССР без билетов не путешествуют. Я дам тебе денег на проезд, но при одном условии.

— Ну?

— Как приедешь в деревню, сходи к учителю и грамоту вспомни хорошенько. Писать выучишься, осмотришь и пришли мне статейку. Выскажи свое соображение, как деревенские дела в кратчайший срок поправить можно. С колхозом дело обмозгуй. Понял? Селькором нашим будешь. Это тебе в дальнейшем пригодится. И газету я буду тебе бесплатно высылать. Идет?

— Да, идет.

— Вот держи два червонца. Можешь сегодня ехать, в двенадцать ночи. Только не забудь, статью

непременно пришли.

* * *

Мишка Громов проводил Джека на вокзал, разъяснил ему, как идти со станции до Починок. Перечислил всех, кому кланяться.

— Эх, валенок-то у тебя нет! — сказал он сокрушенно. — Пропадешь ты в своих башмаках.

— Не пропаду, Миша. Я в таких башмаках всю Америку исходил, с юга на север. Неужели теперь в родных местах погибну?

Поезд пошел, и Джек улегся на верхней полке. Он думал, что заснет, но со сном ничего не вышло. Что-то двигалось у него в груди, и лицо пылало.

Нельзя сказать, что весть о семье сильно его обрадовала. За время своей бродячей жизни он свыкся с мыслью, что остался один-одинешенек на земле. Он даже слабо представлял себе внешность матери. Еще меньше он помнил свою сестренку, которую оставил совсем маленькой. Известие о том, что они живы, даже несколько расстраивало его планы о самостоятельной ферме. Но, с другой стороны, он теперь понимал, что скитаниям его конец. Он знал, куда ему надо ехать и где работать.

Джек заснул только под утро, и должно быть от мыслей о деревне, ему приснился пожар, выстрелы, крики. Мать тащила сундук из горящей

избы. Корова Пеструшка жалобно мычала в глубине оврага.

Этот сон снился Джеку в Америке только в первые годы пребывания его там.

* * *

Джек приехал на свою станцию поздно вечером. Именно с этой станции восемь лет назад он уехал в товарном вагоне, с петроградскими ребятами.

Джек припомнил, что тогда поезд увез его в сторону Урала. Теперь он вернулся с противоположной стороны. Значит, за восемь лет он объехал вокруг земли. Да, нельзя сказать все-таки, чтобы он очень спешил... Зато теперь он больше не будет медлить!

Поезд еще не останавливался, когда Джек выпрыгнул на заснеженную платформу. Только один зеленоватый фонарь горел на высоком столбе. Не спрашивая никого о пути, Джек спустился по скользкой, обледенелой лестнице к дороге и пошел в темное поле.

Из объяснений Мишки и по своим собственным воспоминаниям он знал, что идти ему до Починок надо около семи километров, через село Чижи.

Глава вторая

В родном доме

Кто-то тихо постучал в окно раз, другой, третий... Пелагея Восьмеркина слезла с печки, зажгла спичку и подошла к окну. Но через маленькие стекла, запушенные снегом, ничего нельзя было разглядеть. Пелагея решила, что стук ей послышался спросонок, и хотела уже лезть на печку. Но в это время постучали в дверь.

— Кать! — закричала Пелагея испуганно. — Кать! Да проснись ты, господи! Не слышишь разве? Ломятся. Дай сюда топор, наказание мое!

Катька соскочила с печки и схватила топор. Она не испугалась, решив, что это, вероятно, ребята балуются.

— Пустите! — донеслось со двора.

Пелагея перекрестилась.

— Кому бы это быть? Кто там?

— Отоприте!

Голос звучал настойчиво, хоть и был незнакомый.

— Кто?

— Свои.

— Свои все здесь. Уходи.

Тишина.

— Пустите, — снова раздалось со двора. — Холодно. Это я, сын ваш, Яков.

Пелагея вскрикнула и села на лавку. Зашептала тихо:

— Аминь, аминь, рассыпья.

Катька тоже испугалась и заревела. Быстро зажгла лампочку, все время всхлипывая и тяжело дыша. Со двора к стеклу прижалось лицо.

— Пустите, что ль?

— Яша, Яша... — зашептала Катька.

— Ведь покойничек ты, — сказала мать серьезно и тоскливо. — Как тебя пустить?

В окно сильно стукнули.

— Не покойник я! — доносилось со двора. — Я из Америки приехал. Пустите, все расскажу.

— Открыть, что ли, мать? — спросила Катька смелее.

— Не открывай, Катя, — ответила Пелагея умоляюще.

Но Катька уже вышла в сени и подняла щеколду. Послышались мужские шаги, и Джек Восьмеркин вошел в избу.

Он несколько не был похож на покойника в своем картузе и бархатной куртке.

Но и на Яшку он не был похож. Яшка ушел тогда босиком, без картуза, а теперь на пороге стоял человек в невиданной одежде, высокий и крепкий, в коричневых башмаках на толстой подошве.

В руках у него был небольшой мешок из брезента. Он положил мешок на стол, снял с руки замшевую варежку о трех пальцах и сказал:

— Здравствуйте.

Подошел к Пелагее и протянул руку.

Мать, все еще дрожа от страха, вытерла свою руку о юбку и сухо поздоровалась с сыном. Затем Джек поздоровался с Катькой и сел на лавку.

Пелагея, высокая и худая, с плоской грудью и выпуклым животом, стояла, прислонившись к печке. Она сложила на груди свои длинные руки и смотрела на Яшку с недоверием и даже враждой.

— Не узнали? — спросил Джек и смущенно улыбнулся.

Золотые зубы сверкнули на мгновенье.

— Нет, нет, нет! — вдруг закричала Пелагея. — Это не Яшка, не Яшка. У нашего золотых зубов не было, белые были. Уходи, уходи...

Катька поддавалась страху матери и прижалась к старухе, как маленькая девочка. Джек сидел на лавке, оглядывая избу и стараясь вызвать в себе какое-нибудь воспоминание детства, чтобы найти путь к сердцу женщин. Но перед ним мелькали только американские фермы, инкубаторы, ящики с апельсинами. Он совершенно позабыл родную деревню.

— Уходи, уходи, враг... — тихо повторяла мать.

И Катька шептала:

— Уходи, уходи...

— Уходи! — вдруг закричала Пелагея со страшной силой. — Уходи! Чего расселся, как барин? Сказано, уходи!

Джек поднялся, взял мешок.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Уйду.

— Так-то лучше будет! — закричала, Пелагея облегченно. — Ступай себе подобру-поздорову.

Яшка пошел к двери. Но прежде чем выйти на улицу, он остановился на пороге и задал один вопрос, который смущал его когда-то:

— Корова-то осталась жива? Ведь я ее тогда крепко-накрепко за рога к кусту привязал.

— Яшенька! — закричала Пелагея не своим голосом и бросилась к сыну. — Пришла Пеструшка, на третий день пришла. Вырвала куст и пришла.

Вопрос о корове было первое, что напомнило старухе белобрысого мальчугана, который пропал во время пожара восемь лет назад. Теперь она уже нисколько не сомневалась, что перед ней Яшка.

Она усадила Джека на лавку, сняла с него тяжелый картуз, посмотрела волосы, которые были еще белокуры и курчавы, заглянула в его глаза, которые оставались по-прежнему голубыми. Она гладила его по рукам и по лицу и в то же время обильно поливала его куртку слезами.

— Катька! — сказала она, наплакавшись вдоволь. — Сходи к Капраловым, добейся, чтобы впустили. Займи у них сахару три куса и чаю щепотку. Скажи, что осенью отдадим, как бог свят. Только чтоб не приходили пока.

Катька ушла, а мать начала быстро ставить

тусклый, помятый самоварчик. Джек в это время рассказывал ей свои приключения. Она ничего не понимала в его рассказах, послушала и охала сокрушенно, по-матерински. Видимо, старуху занимала только одна мысль, и она высказала ее в тот момент, как Джек замолчал.

— Что же ты к нам на-вообще вернулся или опять в Америку уплывешь?

— Не уеду, — ответил Джек. — Здесь работать буду.

— Денег-то привез с собой хоть чуть-чуть?

И Пелагея уставилась на мешок, в котором по ее представлению могли быть только деньги.

— Нет, денег не привез.

— А в мешке что?

— Вот.

Джек развязал мешок и высыпал на стол немного пшеницы. Огромные зерна, круглые, как горох, потекли по столу. При свете лампочки они казались золотыми.

— Кукуруза, что ль?

— Нет, американская пшеница. Это вот «дакота», это «маркиза». А это, мать, «манитоба», лучший канадский сорт.

Пелагея опять глянула на мешок и сказала тихо:

— Сколько же ее здесь? От силы полпуда будет.

И опять заплакала у самовара, сокрушенно и тихо, так как стыдилась этих слез.

Джек в это время принялся осматривать избу. Он заглянул в каждый уголок, потрогал ногой мешки под лавкой. В избе пахло кисло, и бесчисленные тараканы шуршали за иконами и грязными картинками. Все это очень не понравилось Джеку, но он смолчал, не желая огорчать мать.

Вернулась Катька, и на столе появились чай, хлеб, молоко и масло. Джек ел с аппетитом, лишь изредка задавая вопросы матери о том, сколько у нее земли и как она ведет хозяйство. Насчет земли Пелагея не могла ничего ответить. Она знала, сколько у нее кусков в поле, но размеров их не знача. Зато она с гордостью сообщила Джеку, что у нее есть корова, дочь Пеструшки, и еще годовалая телка; есть и лошадь и шесть кур. Хлеба и картошки хватит и на посев и на еду, если, конечно, ничего не случится. Обращаясь к Джеку на «ты». Пелагея спросила занимался ли он сельским хозяйством в Америке. Джек принужден был повторить, в каком штате, что и когда он делал. Но Пелагея снова ничего не поняла: ее сбивали с толку трудные названия штатов.

Джеку постелили постель посреди избы на двух лавках, которые связали по ножкам вожжами. Мать отдала ему свою подушку и одеяло, сшитое из

кусочков ситца. Сейчас же после чая Пелагея предложила Джеку лечь: ей казалось, что путь из Америки долог и очень утомителен. И Джек улегся на скрипучие лавки, хотя ему вовсе не хотелось спать.

Ему нужно было собраться с мыслями и наметить план дальнейшей деятельности. Ведь он наконец добрался до своей собственной фермы. Но как отличалась действительность от его надежд и мечтаний!

Рядом в хлеву петух вдруг захлопал крыльями и запел. Джек повернулся на другой бок и, решивши, что обо всем подумает завтра, заснул.

Четырнадцать акров

Джек проснулся на другой день рано, но Пелагея встала еще раньше. К тому времени, когда Джек умылся и оделся, самовар уже стоял на столе и корова была подоена. Джек напился чаю с ситником и попросил сварить себе кашу. Пелагея сейчас же развела таган и принялась за стряпню. Джек сказал, что он может обойтись без чаю по утрам, но хотел бы получать горячее молоко и кашу. Пелагея пообещала, хотя это ей и не понравилось.

За столом все трое сидели молча. Джеку нечего было больше рассказывать, матери не о чем

спрашивать. Поевши, Джек надел свою бархатную куртку и сказал:

— Теперь, мать, покажи мне твои поля и скотину.

Пелагея накинула полушубок, повязала голову платком и прежде всего повела сына в хлев, где стояли вместе лошадь, корова и телка.

Джек как-то злобно засмеялся, увидевши лошадь, слабосильное существо, меньше всего похожее на помощника. Он велел вывести всю скотину на двор и начал внимательно ее осматривать. Немного побегал с лошадью, посмотрел ей в зубы, провел рукой по спине.

— Таких лошадей я ни разу не видал в Америке, — сказал он Катьке. — Скверная лошадь. Надо ее почистить.

Корова больше понравилась Джеку, но он нашел, что она дает слишком мало молока. Пелагея умоляющими глазами смотрела на Джека, а потом не выдержала и начала заступаться за скотину. Джек ничего не ответил и предложил матери итти осматривать землю. Катька хотела увязаться с ними. Но Джек сказал строго:

— Можешь в поле не ходить. Лучше лошадь почисти.

Оказалось, что нет скребницы. Джек велел занять скребницу в деревне и показал Катьке, как надо с ней обращаться. После этого пошли

смотреть землю.

Мать показала Джеку огород, который был расположен тут же за избой. С одной стороны к огороду примыкало картофельное поле, около трети гектара, с другой — фруктовый сад, состоявший из десятка яблонь и нескольких ягодных кустов. Джек осмотрел каждую яблоню по отдельности, кустов смотреть не стал.

Потом мать и сын по степной дороге вышли за деревню, в поле. Там Пелагея, сбиваясь и путаясь, объяснила Джеку, какую землю она считает своей. Джек мерил полосы шагами, прямо по снегу. Результаты обмера записывал у себя на ладони химическим карандашом. Над каждой полоской он возился долго, разрывал снег и вытаскивал замерзшую землю. Мял комочки в пальцах и потом дул на них. Некоторые клал в карман. Наконец все земли в поле были осмотрены. Мать объяснила, что еще остается покос, но он находится далеко и идти туда не стоит. Но Джек попросил мать сходить с ним вместе и на покос.

На обратном пути Джек мерил шагами дорогу и не хотел разговаривать с матерью, чтобы не сбиться. Он молчал все время, даже тогда, когда они шли по деревне. Пелагея говорила всем встречным, что сын к ней вернулся из Америки, и боязливо показывала на Джека пальцем. Люди лезли к Яшке здороваться. Но он только кивал

головой и продолжал считать шаги.

В избу Восьмеркиных, когда вернулся Джек, уже собралось несколько парней, старых его приятелей. Все они вспомнили Яшку и пришли засвидетельствовать ему свое почтение.

Джек весело поздоровался с ребятами, и пошла потеха. Парни не хотели называть себя по имени и требовали, чтобы Джек сам назвал их. Джек путался и выкрикивал имена невпопад. Это вызывало дикий хохот и веселье.

Из всей компании только одного Джек назвал без ошибки: Ваську Капралова, соседа. Васька был старше Джека года на четыре, отслужил уже в Красной армии, в танковом дивизионе, и был женат; в избу он явился с ребенком на руках. Других ребят — Маршева, братьев Чурасовых — Джек узнать не мог, несмотря на то, что они вперевивку напоминали ему совместные похождения прежних лет и кричали обидчиво:

— Да будет тебе, Яшка, дурака ломать! Неужели у тебя в Америке память отшибло? В ночном-то в мешок еще вон его завязывали...

Тот, которого завязывали в мешок, был Сережкой Маршевым. Он тоже успел забыть, как его завязывали в мешок, но Яшку отлично помнил. Посмеявшись вдоволь, ребята открыли свои имена и фамилии и принялись рассказывать Джеку новости последних лет.

Из этих рассказов выяснилось, что Николка Чурасов одно лето работал в Нижнем на стройке. Из города он привез одноствольное ружье и в свободное время занимается охотой. Хозяйство ведет вместе со своим старшим братом Дмитрием.

Дмитрий Чурасов сидел тут же и, ласково улыбаясь, глядел на Джека. Ему все не верилось, что, пока он с Николкой в Починках копался в земле, Яшка переплыл два раза океан и побывал в Америке.

Хуже всего дела шли у Сережки Маршева. На его руках осталась после смерти отца вся семья — восемь человек. Лошади у Маршева не было, и он считался первейшим бедняком в деревне.

Когда ребята рассказали Джеку о себе решительно все, Дмитрий Чурасов закричал:

— Довольно, болтать, ребята! Теперь пусть Яков рассказывает. Ты американский-то язык понимаешь?

— Понимаю.

— А ну, скажи, как тебя в Америке звали? По-нашему Яшка, а по-ихнему как будет?

— Джек.

— Ну вот, Жек, теперь ты рассказывай. Объясни нам прежде всего, хороши ли в Америке кони.

Джек обещал рассказать вечером все подробно, а пока сам стал спрашивать ребят,

велики ли доходы от земли, каковы цены на пшеницу и сколько кто сеет.

Капралов, увидя, что Яшка интересуется хозяйством, передал своего ребенка Катьке, подошел к Джеку и сказал весело:

— Вижу, Яш, что нам тебя только и нехватало. У нас тут идея есть одна: коммуну, конечно, организовать. Сейчас условия подходящие: можно и землю лишнюю получить и ссуду. Только вот народа необходимого нет. По уставу надо хоть пять человек собрать, а у нас всего четыре желающих: Чурасовы, я да Маршев. А потом, главное, коновода надо знаменитого, чтобы он, как лев был или хоть как чорт. Как ты на это дело посмотришь? А?

Капралов думал, что Яшка сейчас нее ухватится за предложение, но тот только усмехнулся:

— Ничего я в этом не понимаю, ребята. Дайте оглядеться, тогда поговорим. Нигде я в Америке коммун не видал: ни на севере, ни на юге.

— Ну, конечно, осмотрись, — сказал Капралов добродушно и опять взял ребенка на руки.

— Рассказывай, Жек! — закричал неистово Николка Чурасов.

И Джек начал рассказывать.

Он говорил о том, как сеют хлеб в Америке и

как собирают жатву, какие высокие там дома, какие крупные лошади и как долго носятся башмаки на резиновой подошве. О и не забыл рассказать и про петербургскую тюрьму, и про кочегарку парохода «Мэллоу», на котором он приехал в СССР. Ребята спросили, какую пищу он ел в Америке, и он подробно описал пищу.

Во время Яшкиного рассказа в избу потихоньку начали собираться крестьяне со всей деревни. Сначала они усаживались на лавках, а потом прямо на полу. У некоторых из них были свои вопросы об Америке. Когда Джек умолк, хитрый мужик Бутылкин спросил:

— А правда, Яша, рассказывают, что в Америке крестьянство все поголовно вверх ногами ходит?

— Этого не замечал.

— Как же ты самого главного не заметил? Сколько лет прожил, а на ноги внимания не обратил.

Поднялся смех. Тут в избу начали лезть девки, Катькины подруги. Джеку пришлось показать свою куртку, башмаки, картуз. Его спрашивали, как будет по-американски «изба», «луна», «сахар». Просили петь американские песни, и Джек пел, пока не охрип.

Пелагея слушала внимательно все, что рассказывал Джек, и слезы текли по ее лицу. Ближе к ночи она стала делать знаки сыну, что пора

выпроваживать народ. Джек понял сигналы и вдруг заявил, что привык в Америке рано ложиться спать и больше рассказывать не может. Составил лавки и велел Пелагее стелить постель. Но когда народ разошелся, он не лег, а сел за стол и принялся считать что-то на бумаге.

Он вычислил площади всех полосок земли и быстро сложил их. Еще раньше он предвидел, что результаты окажутся не блестящими. Но действительность превзошла все ожидания. Получилось четырнадцать акров земли, разбросанных на площади в четыре километра. Это вместо сорока акров в одном клине, как он мечтал с Чарли в Америке!

Пелагея и Катька уже давно спали на печке, а Джек все сидел за столом и думал, как вести хозяйство на таком ничтожном клочке земли и что будет делать Чарли, если приедет. Положение казалось ему совершенно безвыходным.

Однако, должно быть, он все-таки придумал что-то. Утром, когда Пелагея проснулась доить корову, Джека в избе не было. Он ушел чуть свет, захватив с собой большой ломоть хлеба. По этому Пелагея догадалась, что к обеду он не вернется.

Изучение местных условий

Джек не пришел к обеду ни в этот день, ни на

следующий.

Пелагея не знала, что и думать. Несколько раз она высылала Катьку посмотреть, не видно ли Яшки. Но Яшки нигде не было, и по деревне пошли слухи, что он махнул обратно в Америку.

В действительности же дело обстояло гораздо проще.

Джек решил познакомиться с крестьянами окрестных деревень и за один день ухитрился побывать и в Угрюмове и в Степынине. Везде он заходил и заводил длинные разговоры. Он спрашивал об утренниках, которые бывают в мае, и об осенних заморозках. Интересовался даже тем, когда прилетают грачи и когда цветут яблони. Крестьяне отвечали ему толково, но разно. Ни один из них не мог дать Джеку сведений о температуре в градусах, а именно это было ему нужно в первую очередь. И он продолжал ходить из избы в избу, везде спрашивая одно и то же.

Из последней избы он вышел поздним вечером, так и не получивши сведений о температуре. Продолжать хождение дальше было нельзя: крестьяне укладывались спать. Джек и сам хотел поскорее очутиться дома, но для этого надо было пройти восемь километров. А тут вдруг пошел снежок.

В поле Джек заметил, что снег усиливается. Итти стало трудно. Вдобавок подул ветер, снег

полетел косо, закружился, стал забиваться за воротник. Джек опустил наушники картуза и засунул поглубже руки в косые карманы. Он решил не сдаваться, не поворачивать назад. И скоро пожалел об этом.

Он шел уже больше часа и по его расчетам должен был миновать село Чижи, но никакого жилья навстречу не попадалось. Снег не переставал. Уже трудно было нащупать дорогу. Джек остановился, потопал ногами и начал приглядываться во все стороны. Ему показалось, что он заблудился.

Было холодно, особенно ногам, и Джек вспомнил слова Мишки Громова: «пропадешь ты без валенок». Да, конечно, нетрудно замерзнуть в поле в такую пору. Надо скорее итти. Но куда?

Вдруг впереди за снегом послышалось конское ржанье. Джек побежал и скоро увидел, что совсем недалеко от него стояла лошадь, запряженная в сани. В сани намело целый сугроб снега, но легко было догадаться, что под этим сугробом лежит человек.

— Эй! — закричал Джек. — Вставай, замерзнешь.

И он принялся разбрасывать снег и толкать человека. Но тот вдруг закричал сердито:

— Не трожь, не трожь, разбойник! Отойди.

— Замерзнешь, — повторил Джек. — Ведь

мороз, а ты спишь.

Человек сел в сани и начал протирать глаза.

— А ведь верно, мороз, — сказал он наконец добродушно. — Я думал, конь меня так довезет, а он стал. Охо-хо... Может, ты меня от смерти даже спас. Ты откуда будешь-то?

— Из Починок.

— Ну что ж, садись, подвезу.

Джек прыгнул в сани, человек закричал на лошадь. Лошадь пошла медленно, хоть была здоровая, не похожая на крестьянскую клячу. От человека сильно пахло спиртом. Он близко наклонился к Джеку и опросил по-приятельски:

— Ты что, не узнал меня, что ль?

— Не узнал.

— Скороходов я, Пал Палыч, из Чижей.

— И теперь не узнаю, — сказал Джек, растирая щеки. — Я только два дня как приехал.

— Да ведь меня и в других местах знают... Говорят, Пал Палыч — умнейший человек! Ты откуда?

— Из Америки, из Соединенных штатов.

— Ну, в штатах меня, конечно, не знают. Это нет, не докатилось. Я думал, что здешний. Во, брат, жизнь-то какая у нас. Не американская. По ночам работать приходится, словно разбойнику. Торгую я помаленьку, понимаешь, а чтоб «товарищи» не заметили, все по ночам...

И Скороходов начал рассказывать, как он возил свинью на станцию и там продал ее городским за большие деньги.

— А хлеб-то у вас хорошо родится? — спросил Джек, желая повернуть разговор на интересующую его тему.

— Не, не! — закричал Скороходов. — Я хлеба и не сею. С ума еще не сошел. Это, брат, дело убыточное: урожаи маленькие, цены плохие. Сею, конечно, две полоски, чтоб в середняках числиться, а больше — ни-ни. Вот поживешь здесь — увидишь, что на нашем хлебе не раскормишься.

Скороходов был пьян и болтал откровенно.

Джек решил расспросить его подробно обо всем и задал еще несколько вопросов. Скороходов отвечал обстоятельно, но они не успели окончить беседы: въехали в Чижи. Скороходов остановил своего коня у избы, которая была не лучше остальных.

— Зайдем, что ль, чайку похлепать, — предложил он Джеку. — О делишках поговорим.

Джек согласился.

Они прошли холодные сени, такие же, как во всех крестьянских избах. Но комната, куда привел его Скороходов, была хорошо освещена и оклеена обоями. Сейчас же две, молодых девки подали на стол самовар, баранки, мед.

За чаем Скороходов опять поднял разговор о

том, что сеять, хлеб убыточно.

Джек высказал мысль о том, что прибыль должна быть, если применять машины.

— Во, сказал! — захохотал Скороходов. — Какие такие машины? Поди, достань их. Никаких у нас машин нет, кроме вот образов. Помолимся Николаю угоднику и на урожай рассчитываем. И он показал в передний угол, где висело много икон.

Затем Скороходов по пальцам пересчитал свое семейство: у него был вдовый сын и две дочери. Сына он выделил в отдельное хозяйство, чтоб

налогов меньше платить. Но дело они вели сообща, друг другу помогали и лошадьми и руками. Сын Скороходова, Петр, мужик лет тридцати, присутствовал при чаепитии и участвовал в разговоре. Джек заметил, что говорит он мало, но мудрено, и каждую фразу начинает словами: «дело в следующем».

После чая Скороходов выставил бутылку водки, свинину, селедку и соленых грибков. За водкой языки развязались, и Джек решил, что пришла пора задать вопрос о средней температуре. Скороходов опять начал хохотать.

— Не, брат, чего не знаю, того не знаю. Но если действительно температурой интересуешься, я тебе совет дам. Сходи в деревню Пичеево, к учителю. У него записи есть, я слышал. Он тебе все расскажет.

Разговор длился час с лишком. Наконец Джек зевнул.

Скороходов охнул:

— О-о-о-о, золота-то у тебя во рту сколько! Словно солнце разгрыз. Пару лошадей купить можно. Иль это не золото?

— Золото, — ответил Джек. — За эти зубы восемьдесят долларов заплачено.

— Дело в следующее, — вставил свое словечко Петр. — Проба-то на зубках есть законная?

— Пробы нету.

— А на что она, проба? — закричал Скороходов. — Видно, что золотые. Медные бы заржавели. Хорошая штука. Ну-ка, покажи.

Скороходов долго смотрел в рот Джеку и, видимо, проникся к нему уважением. Когда Джек начал прощаться, он заявил, что оставляет его у себя ночевать. Вышел из комнаты, принес мешок дензнаков.

— Во, брат, сколько накопил за военный коммунизм, — сказал он сердито. — И все пропало. Теперь хочу потолок деньгами оклеить. Не верю в бумажки, только в золото верю. Ты ловко придумал во рту золото прятать. Ну-ка, покажи зубы.

Джек опять открыл рот. Скороходов с удовольствием потрогал зубы пальцами.

— Сберкасса хорошая, — сказал Петр. — Из рта уже ни один мазурик не украдет.

Джеку постелили постель на перине, на лавках. На прощанье Скороходов пожал ему руку и сказал:

— Ну, спокойной ночи. Будем с тобой компанию водить. Может, и помощь какую окажу. Завтра утром еще побеседуем.

Завертываясь в одеяло, Джек думал о том, что приобрел нужное знакомство. Польза была уже налицо: он узнал, где можно получить справку о температуре в градусах. А затем Скороходов

подтвердил его собственную мысль, что от хлеба здесь пользы мало.

* * *

Семья Скороходова еще спала, когда утром Джек поднялся и вышел. Бодрым шагом он двинулся за пять километров в село Пичеево. Там попал в школу как раз на уроки. Когда занятия кончились, он переговорил с учителем и действительно получил от него все нужные сведения. Температуру в школе записывали каждый день уже три года.

Джек, видимо, понравился учителю. Он пригласил его обедать и много рассказывал ему о здешнем климате, почвах и осадках. После обеда некурящий Джек взял у учителя махорки, свернул козью ножку и закурил. Но махорка ему, должно быть, не понравилась: он скоро потушил огонек. Учитель начал его расспрашивать об Америке, и они проболтали до ночи. Джек попросил разрешения остаться переночевать в школе. Учитель позволил, и Джек лег на двух партах. Утром, еще до прихода ребят, Джек простился с учителем и направился домой. Он шел быстро, напевая американские песни, улыбался и махал руками. Видно было по всему, что изучение местных условий он считал уже законченным и

план будущего хозяйства ему ясен.

В Чижах Джек зашел на минуту к Скороходову, поблагодарил его за гостеприимство и попросил покурить. Получив щепотку махорки, он свернул папироску и затянулся два раза. А когда вышел в поле, бросил папироску в снег.

Джек принимается за работу

Вернувшись домой, Джек не стал объяснять матери, где пропадал два дня. Просто поздоровался с ней и попросил разогреть щи. А сам пошел на картофельное поле и начал копать ямки в снегу. Из ямок выбирал землю и складывал ее в варежку. Варежку завязал и положил на окно. Потом прошел в хлев, вывел телку и стал ей зачем-то крутить хвост.

Мать и Катька смотрели на это издали. Наконец Пелагея не выдержала и подошла к сыну.

— Ты зачем телку-то лежишь? Ведь здорова она.

— Телку продать надо, — ответил Джек сквозь зубы. — И как можно дороже.

Пелагея к этому времени уже боялась сына. Но тут она позвала Катьку, и они, обнявши телку, начали причитать и уговаривать Джека отказаться от пустой затеи. Они кричали на весь двор, что выпоили телку молоком, не спускали с нее глаз и

что вторая корова выведет их из бедности.

Джек выслушал все это молча, а потом, глядя матери в глаза, сказал:

— А все-таки мы ее продадим. Покупатели есть?

Мать ответила, что на такую телку покупатели найдутся всегда и что каждый даст за нее сорок рублей.

— Двадцать долларов, — сказал Джек и усмехнулся. — Мало. Ну, иди за покупателями.

— Да на что тебе деньги? — допытывалась Пелагея, все еще держась за телку. — Ведь сказала я тебе, что хлеба до осени хватит.

— Дело не в хлебе, — ответил Джек неохотно. — Мне деньги нужны, чтоб телеграмму в Америку дать.

Впервые в голову Пелагеи забрела мысль, что Яшка вернулся из Америки сумасшедшим. Она поняла бы его, пожалуй, если бы он пропил телку или на вырученные от продажи деньги купил сапоги. Но продать телку, чтоб послать телеграмму, может только сумасшедший. Пелагея попыталась еще раз подействовать на сына плачем. Но Яшка не поддался и крикнул так, что Пелагея почувствовала в нем хозяина. Через полчаса Катька побежала за Сундучковым, который еще осенью прицелялся к телке. А через час телка была продана за сорок пять рублей.

Когда ее уводили со двора, мать и Катька ревели, как по покойнику. Пелагея даже готовить обеда не стала, махнула рукой и пошла к соседям жаловаться на несчастье. А Джек поел вчерашних щей, отрезал себе ломоть хлеба и сказал:

— Ну, Катя, я уйду.

— Куда?

— В город.

И пошел по улице.

Катька побежала к соседям и рассказала матери, что Яшка со всеми деньгами уходит в город. Джек уже дошел до околицы, когда его догнала Пелагея.

— Яша! — сказала она тихо, глотая слезы. — Яша! Неужели навсегда от нас уходишь? Ведь не простился даже.

Пелагея произнесла эти слова жалостно, как мать, навсегда теряющая своего ребенка. Она не сомневалась, что Джек и продал-то телку для того, чтобы получить деньги на обратный проезд до Америки.

Джек призадумался. Ему пришла в голову мысль, что, пожалуй, нет никакого смысла скрывать от матери свои планы. Он сел на толстое бревно, которое лежало у околицы, и сказал строго:

— Не реви, мать, я вернусь послезавтра к вечеру. Мне надо побывать в городе, чтобы там все разузнать. Кроме того мне нужны удобрения.

Вероятно, придется, подправить наше картофельное поле.

— Да ведь и без удобрения картошка родится, Яша.

— Мы, мать, не будем сажать картошки в этом году.

— А что же есть-то осенью? Без картошки не обойтись.

— Картошка у нас будет.

— Да где возьмем-то ее, раз не посадим?

— Не догадываешься?

— Нет.

— Мы ее купим, мать.

— На какие деньги?

Яшка низко наклонился к матери. Прошептал:

— У нас будут деньги.

Пелагея вся передернулась.

— Откуда, Яша? Скажи ж ты мне, что задумал...

— Клянись, что ни один человек не узнает.

— Клянусь, Яша. Чтоб глаза мои лопнули.

И Пелагея закрестилась.

— Мы будем сеять...

Джек остановился. Нет, опасно говорить даже матери! По глупости она может проговориться соседям, и тогда весь план сорвется.

— Мы будем сеять американскую коноплю, мать, — сказал он громко и поднялся.

Пелагея еще долго сидела на бревне. Она видела, как Яшка мерным шагом удалялся от нее, не останавливаясь и не оглядываясь. Наконец он исчез вдали.

«Ну какая будет помощь от сына, — горестно думала Пелагея, — раз он продал телку весной, а осенью собирается покупать картошку? За что послано такое наказание, за что?».

Пелагея поднялась с бревна и тихо побрела домой, стараясь не попадаться на глаза крестьянам. Ведь она не могла ответить на их вопросы, зачем продана телка, ее радость и надежда.

* * *

Джек пришел на станцию за три минуты до отхода поезда. Он выбрал себе место в самом набитом вагоне и за время пути ухитрился завернуть несколько папиросок из чужой махорки. Махорка отчаянно драла горло, и, кажется, это больше всего нравилось Джеку. После каждой новой затяжки он веселел. Покуривая табачок, он внимательно слушал мужиков и только изредка задавал вопросы.

В город Джек приехал в три часа. Тут же на вокзале он узнал адрес сельскохозяйственной лаборатории. Чтобы успеть туда до конца занятий, он нанял извозчика за рубль. В лаборатории он

просил срочно произвести анализ земли, взятой с огорода.

Потом пошел не спеша по городу, зашел в магазин и купил две пары носков и перемену белья. Из магазина направился в баню, а из бани прямо в кино. Шла картина из американской жизни «Конь серебряный», и Джек два раза просмотрел картину. Ночевал он в доме крестьянина.

На другой день с раннего утра Джек начал ходить по учреждениям. Побывал он на метеорологической станции, в земельном отделе, на складе удобрений и только к концу служебного дня попал в лабораторию. Получив анализ земли, он вдруг страшно обрадовался, запел, выскочил на улицу и спросил у милиционера, где телеграф. До телеграфа бежал бегом. Всунул голову в телеграфное окошко и громко закричал:

— Можно дать телеграмму в Маргетт?

Пожилая телеграфистка надела пенсне, посмотрела на Джека и удивленно спросила:

— Где это Маргетт?

— В Висконсине.

— Где это Висконсин?

— В Американских соединенных штатах.

Телеграфистка справилась в книге и ответила, что, конечно, телеграммы в Америку принимаются, но что она лично за двадцать семь лет службы никогда не отправляла депеш на такое большое

расстояние.

На Джека это не произвело никакого впечатления. Он потребовал бланк и написал несколько строчек по-английски. Телеграфистка сосчитала слова и заявила, что телеграмма обойдется в шестнадцать рублей пятьдесят копеек. Не говоря ни слова, Джек отсчитал деньги.

Телеграмма, которую он послал, была следующего содержания: «Send quickly ten gramms North Virginia B».

Дальше следовал адрес Джека. Направлялась

телеграмма в Маргетт, на лесные разработки Коллинза, Чарльзу Ифкин.

Джек хотел приписать к этой коротенькой телеграмме еще четыре слова: «Раньше осени не увидимся». Но пораздумав, он этих слов не приписал. Они стоили три рубля, а за три рубля можно было купить градусник.

Эта телеграмма была первой весточкой, которую Джек послал Чарли о себе после приезда в СССР. Впрочем, по ней Чарли мог уже догадаться, что Джек укрепился на земле.

Джек вернулся в деревню вечером. Кроме градусника, он принес с собой пачку старых газет и кило серы. Велел матери на другой день готовить обед у соседей, а сам с помощью Катьки заклеил в избе щели газетами. Утром запалил серы на железных листах, запер двери и тоже заклеил их газетами. Сера горела целый день, и дым тонкими синими струйками пробивался через соломенную крышу. Вся деревня собралась смотреть на невиданное зрелище. Говорили, что возможен пожар. Но никакого пожара не случилось. А когда к вечеру сера потухла в избе, Джек велел матери и Катьке мыть пол и стены горячей водой и выносить мертвых тараканов.

Тараканов и клопов вынесли целый котел. В избе пахло серой неделю. За эту неделю Джек остругал рубанком избу изнутри и сделал петли на

окне, чтоб оно открывалось.

Кроме того он вывез из хлева весь навоз на картофельное поле и в хлеву прорубил окно.

Первая весна на своей земле

Наступил март.

Лучи солнца заметно окрепли, стали ярче и прямее. Они давили на снег в поле и огороде, и снег с каждым днем опускался все ниже и ниже и, как оспой, покрывался мелкими хрустальными ямочками. Вокруг яблонь появились проталины. Вороны, распушив хвосты, завозились на деревьях: ломали тонкие веточки и спешно ремонтировали гнезда. В овраге, за картофельным полем, синицы зазвенели бубенчиками.

Целых два дня Джек с Катькой расчищали на огороде площадку. На носилках они перетаскивали снег в погреб и там утрамбовывали его ногами. Пелагея ничего не имела против того, что Яшка набил ей погреб. Но она не могла понять, зачем нужна ему площадка. А сам Джек не говорил ей об этом ни слова.

Он вообще сделался очень молчаливым за последнее время. С матерью и ребятами почти не разговаривал. Зато каждый вечер ходил в Чижи, в сельсовет, и там справлялся у секретаря, нет ли на его имя писем из Америки. Писем не было, и над

Джеком в сельсовете подтрунивали. Вместо письма ему давали газету, которую редактор высылал аккуратно. Джек забирал газету и шел к Скороходову, где читал вслух все статьи, от начала до конца.

В газете много писалось о деревенских делах. Там были сведения о том, где составила коммуна, где крестьяне сообща купили сепаратор или перевели коров в теплый хлев. Попадались заметки о том, что в таком-то селе кулаки стреляли в селькора картечью. Заметки эти были составлены в грозном тоне, но Скороходов почему-то всегда подмигивал и хохотал, а потом тут же принимался ругать кулаков.

Джека все эти новости интересовали мало. Он искал в газете справок о мировых ценах на пшеницу, об урожае в южном полушарии. Скороходов смеялся над ним и кричал, что это никому не нужно. Но Джек разъяснял, что урожаи в Австралии и Аргентине влияют на цены во всем мире. О мировых ценах в советской тае не писали, и Джек, прочитав всю газету до конца, оставался неудовлетворенным. Его беспокоила мысль, не случился бы в этом году кризис с зерном в Америке: ведь это могло отразиться на летнем заработке Чарли.

Вся деревня теперь уже знала со слов Пелагеи, что Джек ходит в сельсовет за письмом из Америки